

Алекс
К. Уиллис

Сбежавшие из ада

A silhouette of a person walking away from the viewer down a path in a misty, blue-toned forest. The trees are bare and their branches are visible against the foggy background.

18+

Алекс Уиллис

Сбежавшие из ада

<https://litres.ru/74065353>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сбежавшие из ада» — это цинично-блестящая антропология уязвимости, где название отражает двойную природу героев. Жертвы бегут от экзистенциальной тоски, но их спасительный «ключ» отпирает лишь новую ловушку — финансовый крах и крушение веры. Мошенники — это демоны, сбежавшие из бездны морали; для них жертва — материал для искусства манипуляции. Они не просто обкрадывают, а экспериментируют с личностью.

Итог: это сборник-зеркало, где любовь к искусству и жажда смысла превращаются в смертельные слабости. Автор с хирургической точностью вскрывает механизм падения, оставляя читателя с леденящим вопросом: какая дверь в его личный ад приоткрыта сегодня? Мастер-класс по исследованию тьмы, живущей на грани наших желаний и страхов.

Содержание

«АЛИСА»	5
ГЛАВА 1: Бумажный кораблик	6
ГЛАВА 2: Иллюзия глубины	16
ГЛАВА 3: Границы доверия	23
ГЛАВА 4: Процедура	31
ГЛАВА 5: Скелет	38
ЭПИЛОГ: Картинка	45
«СИНДРОМ СТОКГОЛЬМСКОГО ПЛАНЕТАРИЯ»	51
ГЛАВА 1: Свет далёкой звезды	52
ГЛАВА 2: Созвездие из слов	60
ГЛАВА 3: Реликвия	68
ГЛАВА 4: Теорема предательства	77
ГЛАВА 5: Чёрная дыра	85
«ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ»	93
ГЛАВА 1: Отскок от дна	94
ГЛАВА 2: Съёмки как исповедь	100
ГЛАВА 3: Проект «ВОСКРЕШЕНИЕ»	107
ГЛАВА 4: Пустой экран	114
ГЛАВА 5: Зеркало с трещиной	120
ЭПИЛОГ: Последний раунд	126
«ПРЕДМЕТ ОБМЕНА»	130
ГЛАВА 1: Белый шум белого куба	131

Сбежавшие из ада

«АЛИСА»

«Доверие – это роскошь, которую могут себе позволить
Только люди, у которых ничего нет.»

А. К. Уиллис

ГЛАВА 1: Бумажный кораблик

Артем выключил последний монитор. Синее свечение экрана погасло, оставив после себя вязкую, почти осязаемую темноту его кабинета. В тишине загудел системный блок, отдавая остаточное тепло, как живое существо. Он провел рукой по лицу, ощущая под пальцами напряжение челюстей и сухость век. Сделка была закрыта, клиент ликовал, команда в общем чате уже праздновала цифру с шестью нулями. Он поставил смайлик с хлопушкой и отключил уведомления.

Успех. Ему следовало чувствовать прилив, триумф, теплое удовлетворение. Он чувствовал лишь глубокую, выстиранную до белизны усталость. Как будто он только что закончил собирать идеальный, грандиозный пазл, а на обороте коробки прочел: «Собрать сможет даже ребенок». Бессмысленно.

Его квартира, верхний этаж с панорамным видом, встретила его тихим гулом умных систем. Свет зажегся сам, мягко, без бликов. Кондиционер выдохнул струю отфильтрованного воздуха с ароматом «альпийский луг». Все было идеально, стерильно, предсказуемо. Он положил ключи на консоль из светлого дуба, и его взгляд упал на собственное отражение в черном стекле окна. Тридцать пять лет. Лицо, которое он видел на экранах во время видеозвонков: собранное,

внимательное, с легкими заломами усталости у глаз, которые добавляли ему солидности, а не старили. Успешная обложка. Пустая аннотация.

Он открыл холодильник. Ровные ряды контейнеров с доставкой от сервиса здорового питания, стеклянные бутылки с водой, ягоды в вакууме. Ничего не хотелось. Желание, сама эта химическая реакция «хочу», казалось, атрофировалась где-то между составлением квартальных отчетов и согласованием ТЗ.

Вместо того чтобы разогреть ужин, он накинул темное пальто и вышел. Просто идти. Без маршрута. Ноябрьский воздух был влажным и колючим, он обжигал щеки, и это было первое настоящее ощущение за весь день. Город был залит искусственным медовым светом фонарей, отражавшимся в черных лужах, будто на асфальт пролили жидкую медь. Он шел, мимо витрин, сверкающих ненужным блеском, мимо слившихся пар, торопящихся куда-то с поднятыми воротниками. Он был невидимкой в этом потоке, и это было единственной доступной ему формой свободы.

Потом начал моросить дождь — мелкий, назойливый. Артем свернул в первую попавшуюся подъездную арку, а она оказалась не аркой, а глубоким проемом, ведущим во двор-колодец. И там, в тупике, притулилось окно. Не витрина, а именно окно жилого этажа, из которого лился теплый желтый свет и на котором висела вывеска, вырезанная лобзиком из дерева: «Угол».

Кофейня. Вернее, не кофейня даже, а что-то вроде чьей-то гостиной, выставленной напоказ. Он толкнул тяжелую дверь, и на него пахнуло теплом, кофе, сладкой выпечкой и — отчетливо, поверх всего — запахом старой бумаги, пыли и древесного лака. Это был не ароматизатор. Это был запах времени.

Внутри было тесно, уютно и немного сумбурно. Пара маленьких столиков, барная стойка, и стены, которые были не стенами, а стеллажами до потолка, забитыми книгами. Не новыми, глянцевыми, а потрепанными, в потертых переплетах, с пожелтевшими от времени страницами. Они стояли, лежали, валялись стопками. Это место было антиподом его стерильного мира. Здесь царил приятный, живой беспорядок.

Он заказал двойной эспрессо у молчаливой девушки за стойкой и, дожидаясь, подошел к полке. Пальцы сами потянулись к корешкам, механически скользнули по шершавой бумаге, золотому тиснению. «Мастер и Маргарита», «Анна Каренина», сборник Хемингуэя... Он не искал ничего конкретного. Он просто стоял, прикасаясь к этим артефактам чужой, настоящей жизни, позволяя усталости понемногу стекать с плеч, как дождевая вода с пальто.

И тут он увидел ее.

У окна, за самым маленьким столиком. Она сидела, поджав под себя ногу, полностью погруженная в толстую книгу в темно-синем переплете. Свет от лампы падал ей на воло-

сы — неяркие, русые, свободно спадавшие на страницы. Она была в большом сером свитере, из-под которого выглядывали обтягивающие джинсы. Никакого макияжа, если только чуть подведенные ресницы. Она читала, и это было действием, а не позой. Иногда она чуть морщила лоб, иногда уголок ее рта вздрагивал в едва уловимой, сокровенной улыбке. Она проживала текст.

Артем замер с чашкой в руке, наблюдая. В этом не было ничего навязчивого — она была частью атмосферы этого места, как трещина на потолке или пятно от кофе на дереве стола. Естественная, настоящая.

Он потянулся к книге на полке над ее головой, забыв про чашку в другой руке. Резкий жест, неловкий поворот — и обжигающая жидкость плеснула ему на кисть. Он ахнул, отпрыгнул, и пара предательских капель, описав дугу, упала на светлую обложку книги, лежавшей на краю ее столика.

— А, черт! Извините, я... — пробормотал он, тряся обожженной рукой, обращаясь больше к самому себе, к своей внезапной неуклюжести.

Она вздрогнула, оторвавшись от текста. Сначала ее взгляд, ясный и немного отсутствующий, упал на книгу. Потом поднялся на его лицо. Он ожидал досады, раздражения, ледяной вежливости. Он увидел лишь легкое удивление и мгновенную оценку ситуации.

— С вашей рукой все в порядке? — спросила она. Голос оказался ниже, чем он предполагал, немного хриловатым,

как от долгого молчания.

— Пустяки, — отмахнулся он, все еще смущенный. — Гораздо больше я переживаю за вашу книгу. Простите, я сегодня похож на слона в посудной лавке. Весь день.

Она взяла книгу, аккуратно промокнула капли краешком бумажной салфетки. На обложке проступил силуэт парусника и название: «Старик и море». Капли растеклись по бумаге мутными лужицами.

— Ничего страшного, — сказала она, и в ее глазах, серо-зеленых, как мокрый мох, мелькнула искра чего-то живого, почти озорного. — Капли на этой книге — всё равно что шрамы на старике Сантьяго. Даже к лицу. Доказательство, что её читали не в стерильной лаборатории.

Он рассмеялся. Коротко, искренне. Усталость будто отхлынула на шаг.

— Философски. Вы, как адвокат, находите смягчающие обстоятельства моему варварству. Но вина моя всё равно никуда не делась. Давайте я хоть куплю вам новую. Такую же.

Она положила книгу обратно на стол, аккуратно, как живую.

— А зачем? — спросила она просто. — Эта — моя. Уже лет десять, наверное. Я её перечитываю, когда мир начинает казаться... ну, слишком громким и бессмысленным. Она возвращает меня к простым вещам. К борьбе, которую ты ведешь в одиночку, даже если в итоге от гигантской рыбы остаётся один скелет.

Артем неожиданно для себя прислонился к стеллажу, забыв о протоколе и дистанции.

— И этот скелет — трофей? — спросил он. — Доказательство, что битва была?

— Нет, — она мягко покачала головой, и прядь волос упала на щеку. — Не трофей. Напоминание. О том, что самое важное происходит не ради галочки «победа или поражение». Оно происходит там, в море, между тобой, рыбой и звёздами. Всё остальное — уже для других.

В этот момент Артему показалось, что кто-то открыл в душевой комнате форточку. Впустил свежий, холодный, настоящий воздух. Его мир цифр, графиков и стратегий вдруг показался картонным декорациями. А здесь, в запахе старой бумаги и под её спокойным, вдумчивым взглядом, была какая-то... суть.

— Вы разрешите? — он кивнул на пустой стул за её столиком, внезапно ужасно боясь, что она скажет «нет».

Она посмотрела на него, оценивающе, но без подозрительности.

— Только если обещаете не устраивать цунами из эспрессо, — сказала она, и на её губах появилась та самая улыбка, которую он видел краем глаза, когда она читала. Не широкая, чуть асимметричная, дотягивающаяся до самых глаз.

Он сел. Заказал ещё кофе. И разговор потек. Не потоком, а как ручей — с тихими заводями, неожиданными поворотами, прозрачной глубиной.

Они говорили о ностальгии. Он рассказал, как в детстве забирался на чердак бабушкиного дома, где в картонной коробке хранились старые журналы «Техника — молодёжи», и как пахли те страницы — пылью, яблоками и тайной. Она сказала, что в их городской библиотеке была женщина-библиотекарь с седым пучком волос, которая всегда знала, какую книгу ты ищешь, даже если ты сам этого не понимал. «Я была уверена, что она волшебница. Может, так оно и было».

Они говорили о проигрышах. К своему удивлению, Артем рассказал не о последней выигранной сделке, а о самом первом своём проекте, десять лет назад, который сгорел, оставив после себя только долги и чувство полного краха. «Я тогда месяц не мог ни с кем говорить. Чувствовал себя именно тем стариком, который тащит на берег один скелет, а туристы смеются». Она слушала, не перебивая, подперев щеку ладонью, и в её взгляде не было ни жалости, ни оценки. Было понимание.

Она рассказала о простом счастье. О том, как любит находить в старых книгах, купленных на развалах, чужие забытые закладки: сломанный карандаш, засушенный клевер, билет на трамвай восьмидесятых годов. «Кажется, будто на секунду ты можешь прикоснуться к чужой жизни, к их дню, к их мысли. Это как молчаливый диалог через время». Артем слушал и думал, что этот разговор — и есть такой диалог. Прямой, без посредников, без подтекста.

Пролетел час. Может, два. Дождь за окном усилился, за-

стучав по стеклу. Они говорили негромко, в своём пузыре, где не было его должности, её работы, социальных масок. Было странное, щемящее чувство узнавания. Как будто он шёл по пустой улице и вдруг услышал из открытого окна мелодию, которую давно забыл, но которую всё это время искал.

Когда их чашки окончательно опустели, а за окном уже давно стемнело, они встали почти одновременно. Артем вдруг с ужасом осознал, что даже не знает её имени. Что этот волшебный вечер может кануть в небытие, как сон.

— Меня зовут Артем, — сказал он, и голос его прозвучал чуть более официально, чем он хотел.

— Алиса, — ответила она, надевая пальто. — Спасибо за компанию... и за неожиданный экшн с кофе. Скоро снимать будут.

— Алиса, — повторил он, как будто пробуя слово на вкус. Оно было простым и правильным. — Слушайте... мне было невероятно интересно. Может, мы... продолжим этот разговор где-нибудь ещё? Без экшн-сцен. Обещаю.

Она посмотрела на него. В её глазах была не кокетливая игра, а та самая задумчивая, легкая грусть, которую он видел, когда она читала. Тогда он принял её за отражение усталости от мира, той же, что жила в нём.

— Знаете, Артем, — сказала она мягко, завязывая шарф. — Мне тоже было очень интересно. Давайте продолжим.

Они обменялись телефонами, набрав номера друг для

друга. Его пальцы, обычно такие точные на клавиатуре, чуть дрогнули, касаясь стекла её экрана.

Он вышел на улицу первым. Холодный дождь тут же ударил в лицо, но Артем его не почувствовал. Внутри него горел маленький, яркий огонёк. Он оглянулся на освещённое окно «Угла». Алиса всё ещё стояла внутри, собирая свою книгу и сумку. Она подняла голову, и их взгляды встретились сквозь стекло, запотевшее от перепада температур. Она снова улыбнулась — той же, сокровенной, чуть грустной улыбкой. И помахала ему рукой.

Артем пошёл по мокрому асфальту, не разбирая дороги. В кармане пальто лежал телефон с её номером. В голове звучали её слова о простых вещах. Он вдруг вспомнил, как в детстве пускал по весенним ручьям бумажные кораблики, сгоряча сделанные из тетрадного листа. Тонкие, ненадёжные, обречённые раскиснуть и утонуть через пять минут. Но в момент, когда ты наклоняешься над водой и отпускаешь его, сердце замирает от чистого, ничем не обусловленного чуда.

Вот это чувство. Оно вернулось. После многих лет.

Дома, в своей стерильной, умной квартире, Артем не стал проверять почту. Не включил телевизор. Он сел на диван, достал телефон и ещё раз посмотрел на строчку с номером и именем «Алиса». Потом погуглил цитату из Хемингуэя, которую она упомянула. Нашёл. Перечитал. «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить».

Он лёг спать. И впервые за долгие-долгие месяцы уснул быстро, почти мгновенно, без привычного получасового ворочания и мысленного прокручивания рабочих задач. Во сне он видел не цифры и графики. Он видел тёплый свет из окна в дождливую ночь и бумажный кораблик, уплывающий в темноту.

ГЛАВА 2: Иллюзия глубины

Следующее утро началось не с будильника, а с вибрации телефона на прикроватном столике. Артем открыл глаза, ещё не оторвавшись от остатков сна с бумажными кораблями, и потянулся к экрану. Это было не уведомление от коллег и не сводка новостей.

Сообщение от неизвестного номера, который он вчера вбил в память с почти благоговейной точностью. Без приветствия. Просто фотография. Серая, потрескавшаяся стена старого дома, на которой едва угадывалась вывеска «Библиотека», сделанная когда-то вручную, кованными буквами. Одна «Б» почти отвалилась. Под фото: «Нашла свою волшебницу. Вернее, то, что от неё осталось. Дом под снос. Грустно.»

Артем сел на кровати, улыбка медленно расползлась по его лицу. Это была отсылка к их вчерашнему разговору. Мгновенная, личная, глубокая. Он ответил не сразу, позволив этому чувству — сладкому, новому — немного погореть внутри. Через полчаса, уже за кофе, он сфотографировал свой экран с бесконечными строками кода и отправил с подписью: «А я пытаюсь найти баг. Чувствую себя археологом на раскопках чужой глупости. Твоя волшебница выглядит привлекательнее.»

Она ответила почти мгновенно смайликом-смехом и коротко: «Удачи, Индиана Джонс. Освободишься — дай знать.»

Так начался их ритм. Не навязчивый, не удушающе-постоянный, а именно такой — волнообразный, как дыхание. Она могла прислать фото старой карусели в парке («Помнишь, как боялся, что тебя стошнит после пятого круга? Я помню»), а он — абсурдный скриншот из рабочего чата с идеально смонтированным ответом из цитат «Мастера и Маргариты». Это была их игра, их тайный язык, построенный на осколках того первого вечера. И с каждым таким обменом стерильная цифровая реальность Артема обростала тёплыми, живыми деталями, связанными с ней.

Он ждал не свидания, а именно продолжения разговора. И оно случилось через три дня. Она написала вечером в четверг: «Завтра, если не боишься сквозняков и призраков прошлого, есть одно место. Не ресторан.»

Он ответил: «Призраков не боюсь. А сквозняк переживём. Я в деле.»

Местом оказался полузаброшенный павильон «Космос» на ВДНХ, который давно не ремонтировали. Под вечер пятницы там было пустынно и немного жутковато. Под огромным, почерневшим от времени стеклянным куполом замерли старые спутники и модели ракет, покрытые тонким слоем космической пыли, которая на поверку оказалась обычной

городской грязью. Где-то капала вода. Артем ждал, кутаясь в пальто, и вдруг почувствовал, как сердце ёкнуло — не от страха, а от предвкушения.

Она пришла из глубины зала, из-за макета лунохода, в том же большом свитере и с тем же ясным, сосредоточенным выражением лица, которое он запомнил.

— Нравится? — спросила Алиса, подходя. — Здесь нет ни кофе, ни книг. Только железо, мечты и запустение.

— Идеально, — честно сказал Артем. — Как декорации к фильму о конце света, который так и не случился.

Они пошли бродить меж грёз советской космонавтики. Говорили тихо, их голоса отдавались эхом под куполом. Разговор снова ушёл вглубь, минуя всё поверхностное. Он рассказал, что в детстве боялся не темноты, а бесконечности, глядя на звёзды. Она призналась, что до сих пор, глядя на луну, представляет не базу NASA, а лицо, и это кажется ей правильнее.

Потом они нашли скамейку у огромного, потухшего экрана, где когда-то показывали кинохронику. Сидели в полумраке, плечом к плечу. И здесь, в этой холодной, героической руине, она спросила:

— Тебе никогда не бывает страшно, что всё, что ты строишь — этот твой цифровой мир, — оно... ненастоящее? Что однажды ты проснёшься и поймёшь, что провёл жизнь, расставляя виртуальные кресла в виртуальной комнате?

Вопрос попал в самую точку его тихой, ежедневной пани-

ки. Он не стал отшучиваться.

— Каждый день, — тихо сказал Артем. — Это как жить в красивой, идеально отретендеренной симуляции. Чувствуешь себя богом, пока не попробуешь понюхать цифровой цветок или дотронуться до экрана в надежде ощутить тепло. А там — только холодное стекло.

Она кивнула, смотря куда-то в темноту, на очертания ракеты.

— Я боюсь обратного, — сказала она так же тихо. — Что настоящие вещи — шершавые, пахнущие, живые — уходят. Их закрывают пластиком, замещают удобными копиями. И скоро не останется ничего, к чему можно было бы прикоснуться по-настоящему. Даже боли.

Он посмотрел на её профиль, освещённый тусклым аварийным светом. В её словах была такая горечь, что ему захотелось её обнять, защитить от этого исчезающего мира. Но он не посмел.

— Мы как последние зрители этого музея, — шутливо, но с долей правды, заметил он.

— Возможно, — она повернулась к нему, и в её глазах снова была та глубина, которая манила и пугала одновременно. — Главное — не дать им переписать таблички. Не позволить сказать, что эта ржавая железяка — не корабль, который когда-то мечтал о звёздах, а просто лом.

Они вышли поздно, когда в павильоне уже начали гасить последний свет. На лице морозец крепчал. Артем увидел,

что она ежится, пряча руки в рукава, и вдруг, на совершенно чистом, импульсивном порыве, снял свои кожаные перчатки.

— На, — сказал он, протягивая. — У меня руки привыкшие. А ты вся замёрзла.

Она взглянула на перчатки, потом на него. Мгновение колебания — и она приняла их.

— Спасибо. Это... мило.

Она надела их. Они были ей явно велики, пальцы болтались. Но она сжала кулаки внутри, будто ловя тепло.

— Теперь я чувствую себя героем какого-нибудь старого фильма, — улыбнулась она.

— С какой-нибудь ржавой, но гордой железкой вместо сердца, — парировал он.

Они дошли до станции метро. Пауза перед неизбежным «пока» снова повисла в воздухе, густая и сладкая. Он видел, как она смотрит на него, оценивающе, серьёзно. И в этот раз он не стал ждать. Наклонился и поцеловал её.

Это был не страстный, захватывающий поцелуй. Он был медленным, вопрошающим, почти невесомым. Прикосновение тёплых, чуть шершавых от холода губ. Запах её кожи, смешанный с запахом старого железа и её шампуня. Мир на секунду сузился до этой точки контакта. Она не отстранилась. Наоборот, её рука в его огромной перчатке легла ему на грудь, не то чтобы притягивая, а скорее чувствуя биение сердца.

Когда они разъединились, между ними повисло облако пара на морозном воздухе. Она смотрела на него, и в её глазах не было ни триумфа, ни игры. Была та же задумчивая глубина, но теперь в ней теплился отблеск чего-то согретого, живого.

— Завтра, — прошептала она. — Я позвоню.

Он только кивнул, не в силах вымолвить слова. Она развернулась и скрылась в дверях метро. Артем стоял ещё несколько минут, ощущая на губах привкус её и холодного воздуха. В ушах стучало. Не адреналин победы, а что-то другое. Тихая, оглушительная тишина после долгого шума. Он чувствовал себя так, будто после месяцев жизни в наушниках с идеальным, но плоским звуком он вдруг услышал живой, несовершенный, трёхмерный голос скрипки.

Он поехал домой, но не домой. Он был где-то между землёй и тем самым ржавым кораблём под куполом. Его телефон молчал, но он не проверял рабочую почту. Он смотрел в окно такси на мелькающие огни и думал о её фразе: «Даже боли». Ему вдруг страстно захотелось доказать ей, что в его мире ещё осталось что-то настоящее. Что-то, ради чего можно и нужно чувствовать.

Дома он повесил пальто и увидел на полу, у консоли, одинокую перчатку. Вторую она унесла с собой. Он поднял её, сжал в руке. Кожа всё ещё хранила форму её пальцев, чуть меньшую, чем его. Это был не просто предмет. Это был трофей. Не скелет гигантской рыбы. А живое, тёплое доказа-

тельство. Доказательство того, что «простое» — сложнее и реальнее всех его алгоритмов.

Он лёг спать, прижимая к груди телефон с её сообщениями. И на этот раз ему приснилась не абстрактная тоска, а очень конкретный сон: они с Алисой в той самой кофейне, и она читает вслух старую книгу, а он просто смотрит, как шевелятся её губы, и чувствует полное, абсолютное спокойствие. Во сне пахло кофе и её волосами.

Иллюзия была законченной, совершенной и абсолютно реальной. Он купился. Он поверил. Он уже был в ловушке, но чувствовал себя свободнее, чем когда-либо.

ГЛАВА 3: Границы доверия

Неделя после павильона пролетела в странном, золотистом мареве. Переписка стала воздухом, которым Артем дышал. Она больше не начиналась с «привет», а возникала из ниоткуда, как продолжение внутреннего диалога. «Видела сегодня кота на подоконнике. Он смотрел на дождь так, будто это личное оскорбление. Напомнило мне тебя за тем самым кодом.» Он отвечал: «А я сегодня на совещании представил, как все они в костюмах инопланетян из твоего павильона. С трудом удержался от смеха. Спасибо, почти уволили.»

Это была не просто симпатия. Это было строительство общего мира, кирпичик за кирпичиком, шуткой за шуткой, воспоминанием за воспоминанием. И Алиса была мастером этого строительства. Она давала ровно столько, чтобы он жаждал больше, и задавала такие вопросы, которые заставляли его открывать потаенные комнаты в самом себе.

Она прислала фото старой детской игрушки — плюшевого медведя без одного глаза. «Его звали Прошка. Я с ним разговаривала, когда родители ссорились. Кажется, он знал обо мне всё. А кто твой Прошка?»

Артем, после минуты колебаний, сфотографировал свой рабочий стол — чистый, минималистичный, с дорогим мо-

нитором и механической клавиатурой. «Вот он. Бесшумный, эффективный и не задает вопросов. До недавнего времени мне этого хватало.»

«Бедный ты, — пришел ответ. — С таким другом и правда можно сойти с ума от одиночества.»

Именно в эти дни он впервые почувствовал не просто влечение, а острое, почти отцовское желание её защитить. Она как-то проговорилась, что у неё «сложные отношения с семьёй», что она «давно сама по себе». Это прозвучало не как жалоба, а как констатация, но в её голосе, даже в тексте, Артём уловил ту самую «задумчивую грусть». Ему захотелось стать для неё тем самым тёплым, надёжным углом, о котором она говорила в первый вечер.

Он начал делать то, чего не делал годами: планировал не рабочие встречи, а возможные прогулки. Смотрел афиши выставок, которые могли бы её заинтересовать. В его голове, рядом с файлами проектов, теперь жил каталог «мест для Алисы». Его внутренний ландшафт менялся.

А потом был звонок. Не сообщение, а именно звонок, поздним вечером в среду. Его сердце упало в пятки — вдруг что-то случилось?

— Алло? — его голос прозвучал напряжённо.

— Артём? — её голос был тихим, немного приглушённым, будто она говорила, уткнувшись лицом в подушку. — Извини, что поздно. Просто... тяжелый день выдался.

— Всё в порядке? — он сел на кровать, всем существом

сфокусировавшись на трубке.

— Да, ничего серьёзного. Просто накрыло. Вспомнила наш разговор о настоящем и ненастоящем. И... испугалась.

— Чего испугалась?

Пауза. Он слышал её ровное дыхание.

— Что это — ты, этот разговор, это чувство... что оно тоже может оказаться красивой картинкой. Исчезнуть, как всё остальное.

Артем сжал телефон так, что костяшки побелели. В его груди что-то ёкнуло — больно и сладко одновременно.

— Алиса, слушай меня, — он говорил медленно, вкладывая в каждое слово всю возможную твердость. — Я не картинка. Я вот. Из плоти, крови и весьма капризных нервов. И то, что между нами происходит... для меня это самое настоящее, что было за последние десять лет. Поверь.

С другой стороны провода тихо вздохнули.

— Прости. Я не хотела... давить. Просто иногда эта мысль приходит. Как сквозняк.

— А мы её заткнём, — сказал он, и сам удивился своей лёгкости. — Старыми книгами и разговорами под ржавыми ракетами. Договорились?

Он услышал слабую, но настоящую улыбку в её голосе.

— Договорились. Спасибо, что выслушал.

— Всегда.

Они проговорили ещё минут десять о пустяках, и её голос постепенно потеплел, стало слышно, как она устрои-

лась удобнее. Когда они попрощались, Артем долго сидел в темноте, прижимая к уху уже остывший телефон. Она боялась его потерять. Эта мысль наполняла его странной, почти невыносимой нежностью и ответственностью. Она была уязвима. И он был ей нужен.

Именно после этого звонка прозвучало приглашение. Не сразу, а через пару дней, в пятницу. Она писала про свои выходные, про то, как устала от городской суеты.

«Знаешь, а ведь я так и не выполнила своё обещание тебя накормить, — пришло сообщение. — Вся эта движуха в кафе и ресторанах... надоела. Хочется просто тишины. Если ты, конечно, не против аутентичности. Я готовлю неплохую пасту. Мой скромный уголок, завтра, часов в восемь? Только предупреждаю — лифт не работает, подъём пешком на пятый.»

Артем перечитал сообщение три раза. Его «уголок». Тот самый, мирный островок. Это был следующий, логичный, желанный шаг. Больше, чем свидание. Знак глубочайшего доверия. Он ответил, стараясь, чтобы текст не кричал от восторга: «Паста — моя слабость. А пеший подъём считаю обязательной программой для поддержания формы. Буду. Чем могу помочь? Вино взять?»

«Только если очень хочешь. А лучше — просто себя. Мне хватит.»

Фраза «мне хватит» отозвалась в нём тёплым эхом. Он тут же отменил субботнюю тренировку и деловой брифинг, со-

славшись на «важные личные обстоятельства». Это не было ложью.

Весь субботний день его сопровождало лёгкое, щекочущее нервы беспокойство. Не страх, а именно предвкушение, смешанное с желанием сделать всё идеально. Он заехал в лучшую винную лавку в городе, где консультант, выслушав сбивчивое «для особого ужина... к пасте... чтобы запомнилось», с пониманием кивнул и подобрал бутылку бароло. Дорого, изящно, с историей. Потом цветы. Не помпезный букет, а скромную, но изысканную композицию из белых ранункулюсов и эвкалипта. «Она оценит», — уверенно думал он.

И вот он стоит перед дверью старого, но ухоженного кирпичного дома на тихой улице в центре. Пятый этаж без лифта. Он поднялся, слегка запыхавшись, с бутылкой под мышкой и цветами в руке. Сердце стучало не от нагрузки, а от волнения. Перед дверью квартиры № 54 он замер, сделал глубокий вдох, поправил воротник рубашки.

Всё было идеально. И это было его последней, роковой ошибкой.

Он так ждал этого момента, так хотел в него верить, что его мозг отключил все сигналы тревоги. Даже те, что были.

Звоночки. Те самые, которые он увидел, но отринул:

1. Фотография квартиры, которую она скинула «чтобы он не заблудился», показывала лишь угол комнаты: книжную полку, торшер, край дивана. Уютно, но безлико. Ни одной

личной фотографии в раме, ни безделушки с историей. Как интерьер из каталога «Скандинавский минимализм».

2. Её сообщение днём: «Забегу в магазин за сливками, дверь будет открыта. Войди и устраивайся, как дома.» Странно. Оставить дверь открытой в центре города? Но он подумал: «Какое доверие! Она не боится меня. Она чувствует себя в безопасности.» Это польстило ему.

3. Тишина в подъезде. На двери не было ни таблички с номером, ни почтового ящика. Но он решил, что она снимает квартиру, и хозяйка просто не повесила.

Артем выдохнул, на его лице расплылась улыбка предвкушения. Он постучал, но дверь и правда была приоткрыта. Толкнул её.

— Алиса? Я вхожу!

Теплый, сладковатый запах готовящегося соуса ударил в нос. Из приоткрытой двери на кухню доносилось легкое шипение.

— В гостиной! — донёсся её голос, чуть приглушённый. — Раздевайся, я почти готова!

Он переступил порог. Прихожая была маленькой. Он повесил пальто на вешалку, поставил вино на узкую консоль, положил рядом цветы. Сердце пело. Он сделал шаг в сторону гостиной.

И тут из спальни, которая была прямо напротив, вышли двое мужчин.

Все произошло молниеносно и абсолютно беззвучно.

Первый, коренастый, с бычьей шеей и пустым взглядом (Михалыч), шагнул вплотную, перекрыв свет. Второй, молодой, жилистый, с нервным подёргиванием скулы (Молодой), оказался сбоку. У Артема не было ни миллисекунды на реакцию. Коренастый двинулся вперёд, и Артема, со всей силой, вдавили в стену прихожей. Удар спиной о штукатурку выбил воздух. Он ахнул, но звук был тут же задавлен ладонью, грубой и пахнувшей табаком. Молодой ловко и профессионально вывернул ему руку за спину.

Артем метнул взгляд в сторону кухни. И увидел её.

Алиса стояла в дверном проёме. На ней был тот же серый свитер и джинсы. В руках она держала деревянную ложку. На её лице не было ни страха, ни удивления. Ничего. Оно было абсолютно пустым, отстранённым, как у хирурга перед рядовой операцией. Её глаза, те самые серо-зелёные глаза, в которых он видел глубину и понимание, скользнули по нему без малейшей искры. Они были плоскими, как экран выключенного монитора.

— Телефон, — сказала она ровным, деловым тоном, который Артем слышал у неё только когда она шутила про работу. Но сейчас это не была шутка.

Молодой рывком вытащил телефон Артема из кармана пальто. Алиса взяла его, взглянула на экран, и её губы сложились в тонкую, безрадостную черту.

— Face ID работает, — констатировала она, обращаясь к Михалычу. — Всё, как и говорила.

И только тогда, глядя в это пустое, знакомое-незнакомое лицо, слушая этот ледяной, инструктивный голос, Артем понял. Не умом — телом, нутром, каждой раздавленной клеткой. Это не было ограблением по несчастному стечению обстоятельств.

Это была охота.

А он — дичь.

И всё. Всё, что было — каждый взгляд, каждое слово, каждый смех, каждый шрам на книге и ржавый космический корабль — всё это было приманкой.

Его мир, только что такой тёплый и полный смысла, рухнул в одно мгновение. Не с грохотом, а с тихим, ледяным щелчком, похожим на звук блокировки экрана его телефона.

ГЛАВА 4: Процедура

Сознание Артема на миг уплыло в белую, режущую боль пустоту. Его вдавили в пол, холодный линолеум прилип к щеке. Из кухни продолжал доноситься тот же уютный шипящий звук. Абсурдная, чудовищная фоновая музыка к его краху.

— Вяжи, — бросил Михалыч голосом, не терпящим возражений.

Молодой достал из кармана узкую, серую пластиковую стяжку. Артем инстинктивно дёрнулся, попытался вырвать руку. В ответ Михалыч наступил ему на затылок, пригвоздив голову к полу. Боль вспыхнула ярко и остро. Стяжка с лёгким, зловещим треском затянулась на запястьях, впиваясь в кожу. Потом — на лодыжках. Его скрутили, как тушу.

Его перевернули на спину. Он лежал, задыхаясь, глядя в потолок с дешёвой потолочной плиткой. В поле зрения вошла Алиса. Она поставила его телефон на консоль, рядом с цветами и бутылкой вина. Её движения были экономичными, точными. Она подошла, встала над ним, заглянула в лицо. Ни тени эмоции. Только холодный интерес, как у учёного к подопытному.

— Пин-код от основного счёта, Артем, — сказала она. Её голос был тихим, почти ласковым, отчего становилось в ты-

саячу раз страшнее. — И код подтверждения из банковского приложения. Не заставляй их работать дольше. Поверь, тебе будет хуже.

— За... что? — выдохнул он, и собственный голос показался ему чужим, сиплым от ужаса.

Михалыч наклонился, его лицо с обвисшими щеками и крошечными, свиными глазками заполнило всё пространство.

— Не за что, а для чего, — прошипел он. — Для денег, умник. Всё, что накопил. Всё, что взял в долг. Всё. Быстро, чётко, без истерик. И останешься цел.

— Алиса... — Артем попытался поймать её взгляд, найти там хоть каплю той женщины, которая боялась, что всё ненастоящее. — Пожалуйста...

Она отвела глаза. Взяла со стола его же телефон, что-то пролистала.

— У тебя на основном счете «Сигмы» двадцать семь миллионов четыреста, — озвучила она цифры, как будто читала рецепт пасты. — Ещё корпоративный депозит на пять. Кредитный лимит — три. Материнский счёт на поддержку — полтора. Это то, что мы берём сейчас.

От её спокойного, осведомлённого тона кровь застыла в жилах. Они знали ВСЁ. Не просто «у него есть деньги». Они провели полноценную рекогносцировку. И Алиса была их лучшим инструментом.

— Не... не дам, — скрипя зубами, выдавил Артем. Это

был последний редут его воли. Принцип. Единственное, что он ещё мог контролировать.

Михалыч вздохнул, как человек, которому предстоит нудная, но необходимая работа. Он кивнул Молодому.

Тот достал из-за пояса не нож и не пистолет, а небольшой, но массивный фонарь-дубинку. Артем инстинктивно сгруппировался, ожидая удара по голове. Удар пришёл не туда.

Молодой ткнул дубинкой ему в бок, чуть ниже рёбер. Раздался сухой щелчок, и в тело впилась не боль, а всепоглощающая, белая молния. Электрический разряд пронзил всё его существо, вывернув мышцы наизнанку, скрутив диафрагму в тугой узел. Он не закричал — не смог. Воздух вырвался из лёгких хриплым стоном, тело выгнулось в неестественной дуге, дергаясь в конвульсиях.

Боль отступила так же внезапно, как и пришла, оставив после себя оглушительный звон в ушах, тошноту и полную, животную дезориентацию. Он лежал, хватая ртом воздух, слюна стекала по подбородку на пол.

— Пин-код, Артем, — повторила Алиса. Она присела на корточки рядом, на безопасном расстоянии. В её руке теперь был его телефон, разблокированный по Face ID. — Шесть цифр. Потом подтверждение в приложении. И всё закончится.

— И... вы уйдёте? — прохрипел он, умоляя, хоть уже и не веря.

— Мы уйдём, — кивнул Михалыч. — Твоё здоровье нас

не интересуется. Только содержимое счетов.

Это была ложь. Артем чувствовал это каждой порой своей кожи. Но альтернативой была ещё одна молния. И ещё. И он не знал, сколько сможет выдержать.

— Семь... — он сглотнул ком в горле. — Семь, три, девять...

Он продиктовал. Покорился. Алиса ввела код в приложение банка. Она работала быстро, её тонкие пальцы летали по экрану. Она знала интерфейс лучше, чем он. Видимо, тренировалась.

— Первый перевод пошёл, — объявила она. — Ждём подтверждения.

Наступила тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием Артема и шипением с кухни. Он смотрел, как его кровь медленно растекается по линолеуму от разбитой при падении губы. Его кровь. В чужой, подставной квартире. Рядом стояла женщина, которой он доверял как себе. Женщина, которой не существовало.

На телефоне прозвучал мягкий, деловой сигнал.

— Подтверждено, — сказала Алиса. — Основной счёт обновлён. Приступаем к депозиту.

Алиса положила телефон на стол.

— Депозит, — напомнила она ровным тоном. — Потом кредитный лимит.

Он смотрел, как на экране одна за другой исчезали суммы, накопленные годами труда, риска, бессонных ночей. Цифры

превращались в ноль. Его жизнь, его безопасность, его будущее — обнулялись.

Когда дошло до материнского счёта, он попытался воспротивиться.

— Нет... только не это. Это не мои. Это для лекарств...

Михалыч вздохнул и кивнул Молодому. На этот раз дубинку приложили к внутренней стороне бедра. Боль была адской, унижительной, сводящей с ума. Артем закричал, наконец, сорвавшись в животный, нечеловеческий вопль. Крик эхом отозвался в пустой квартире.

— Все счёта, — не моргнув глазом, повторила Алиса. — Мы не оставляем хвостов.

Он сдался. Последний перевод прошёл. На экране мелькнуло зелёное «Успешно». Его финансовое существование было стёрто с цифровой карты мира.

Наступила пауза. Шипение на кухне прекратилось. Видимо, соус пригорел.

Михалыч выпрямился, потянулся.

— Всё. Чисто.

Они с Молодым начали собираться, стирая отпечатки с поверхностей. Деловито, без суеты. Работа сделана.

Артем лежал на полу, превратившись в комок боли, стыда и опустошения. Он смотрел на Алису. Она стояла у консоли, смотрела на обнулённые экраны приложений, и на её лице на мгновение промелькнуло что-то... не удовлетворение, нет. Скорее, усталость. Глубокая, всепоглощающая усталость.

Потом она повернулась и, прежде чем выйти, бросила на него последний взгляд. В нём не было ни злорадства, ни сожаления. Была пустота. Та самая, о которой он думал, что заполнил её. Она была не дырой, которую нужно было залатать. Она была бездной, которая всё поглощала.

Она наклонилась, подняла с пола его перчатку, ту самую, что он дал ей в павильоне. Посмотрела на неё, сжала в ладони. Потом бросила обратно на пол, к его ногам.

— Простые вещи, Артем, — тихо сказала она, и в её голосе впервые за весь вечер прозвучал отзвук той самой, кофейной, задумчивой интонации. — Боль. Правда. Пустота. Они — самые настоящие. Запомни это.

И вышла за дверь, не оглянувшись. Михалыч и Молодой последовали за ней. Он услышал, как щёлкнул замок.

Тишина.

Гробовая, абсолютная тишина, нарушаемая только прерывистым, хриплым дыханием Артема и отдалённым гулом города за окном.

Он лежал связанный в луже собственной крови, мочи и позора.

В подставной квартире, пахнувшей пригоревшим соусом и его страхом.

Один.

Ограбленный до нитки.

Преданный до самого дна.

И всё, что у него осталось — это жгучее, ледяное знание,

что самое страшное одиночество наступает не тогда, когда ты один, а тогда, когда ты понимаешь, что тот, кому ты доверился, никогда не существовал.

ГЛАВА 5: Скелет

Сначала была только боль. Она пульсировала везде: в вывернутых суставах, в обожженных током мышцах, в разбитой губе, в груди, которую сдавило так, словно её воткнули в тиски. Но эта физическая боль была лишь фоном, тупым гулом, поверх которого кричало что-то другое. Душа, вывернутая наизнанку. Рассудок, пытающийся собрать осколки реальности в целое и раз за разом натыкающийся на пустоту там, где секунду назад была почва.

Он не знал, сколько пролежал так. Может, минуты. Может, час. Время стало резиновым, липким, бессмысленным. Его взгляд блуждал по потолку, цепляясь за трещину в потолочной плитке. Она напоминала реку на карте. Или шрам. «Капли на этой книге — всё равно что шрамы...»

Он застонал, не от физической боли, а от того, как эта мысль вонзилась в мозг. Но стон вышел приглушённым, почти неслышным. Широкий пласт липкой ленты намертво запечатал его рот. Сквозь неё можно было только дышать — рвано, тяжело, с присвистом через ноздри. Крик, мольба, имя, которое он хотел бы проклясть, — всё осталось внутри, в глотке, в груди, и давило оттуда, как невыносимая тяжесть, которой нет выхода.

Он попытался пошевелиться. Пластиковые стяжки впи-

лись в запястья и лодыжки глубже. Туго. Профессионально. Он дёрнулся, пытаясь разорвать их силой, — только порезал кожу до крови. Новый приступ боли вернул его в реальность. В реальность пола, холода и тошнотворного запаха пригоревшего томатного соуса, смешанного с медным запахом крови.

«Надо выбиратья».

Мысль была простой, примитивной, животной. Она вытеснила на мгновение все остальные. Он перекатился на бок, потом на живот. Линолеум был холодным и липким. Связанные за спиной руки делали его беспомощным, как опрокинутого жука. Он прополз сантиметров тридцать, уткнулся головой в ножку консоли. Бутылка бароло, которую он принёс, стояла нетронутой. Идиот. Романтичный идиот. Он оттолкнулся от ножки, пополз к двери.

Путь в три метра до входной двери занял у него вечность. Он двигался, извиваясь, толкаясь коленями и головой, задыхаясь от усилий и унижения. Каждый шорох его тела в тишине казался оглушительным. Наконец, он упёрся лбом в дверь. Она была массивной, с добротным замком.

Отчаяние, холодное и тошнотворное, подкатило к горлу. Он заперт. Скотч на губах не пускал воздух полной грудью, и лёгкие горели, словно он тонул. Он приподнялся, ударился плечом о дверную ручку. Та не поддавалась. Он бился в неё снова и снова, тупым, беспомощным движением, пока боль в плече не стала нестерпимой. Из-под ленты на губах проступила тонкая струйка слюны с кровью — он прокусил щёку

изнутри, пытаюсь кричать.

Он откатился, прислонился спиной к двери, глотая воздух через нос. Его взгляд упал на консоль. На то место, где раньше лежал телефон.

Пусто.

Они забрали его. Алиса подняла чёрный прямоугольник со светлого дерева, когда он уже терял сознание. Он помнил это сквозь пелену: её руку, спокойно забирающую последнюю нить, связывающую его с миром. Телефона не было. Ни его, ни их — они унесли всё. Пустота на консоли смотрела на него насмешливо и окончательно.

Он закрыл глаза. В темноте под веками закружились цветные пятна. Голод, жажда, боль — они смешались в один вязкий ком. Спустя какое-то время он снова попытался ползти. К кухне. Там могла быть вода. Там мог быть нож, которым можно перетереть стяжки. Он полз медленно, теряя силы с каждым сантиметром. Руки за спиной онемели, пальцы опухли и стали похожи на чужие. Он добрался до кухонного порога, упёрся лбом в дверной косяк и понял, что дальше не может. Глаза слипались. Сознание трещало, как перегруженная тетива.

Время окончательно рассыпалось. Он проваливался в забытие, потом выныривал — и каждый раз с ужасом понимал, что всё ещё здесь, на холодном полу, в чужой квартире, с заклеенным ртом. Свет за окном сменялся тьмой, и снова светом, и снова тьмой. День. Ночь. Ещё день. Он потерял счёт. В

бреду ему казалось, что он слышит шаги в коридоре, голоса, — но это были только галлюцинации. Сухие губы под скотчем трескались, язык распух и не ворочался. Жажда стала единственной мыслью, более сильной, чем страх смерти.

На второй день — или уже на третий, он не знал — он лежал на боку, свернувшись в позу эмбриона, и смотрел в щель под дверь. Там, в прихожей, было темно. Из-под входной двери пробивалась тонкая полоска дневного света. Он смотрел на неё и не мог понять, реальна она или нет. Его тело уже не болело. Оно стало чужим, тяжёлым, ватным. Он понял, что умирает. Не быстро, не драматично — медленно, по миллиметру, в луже собственной крови и слёз, которые давно высохли.

А потом раздался звук.

Сначала он не поверил своим ушам. Ключ в замке. Входная дверь заскрежетала, защёлкала — кто-то возился с замком снаружи. Артём дёрнулся, попытался сесть, но тело не слушалось. Он издал приглушённый, хриплый звук — что-то среднее между стоном и мычанием. Скотч на губах натянулся, но не порвался.

Дверь открылась.

В проёме стояла женщина. Лет пятидесяти, в дешёвом пуховике и вязаной шапке. В руке — связка ключей и пакет с продуктами. Она сделала шаг внутрь, включила свет в прихожей — и замерла.

Увидела его.

Глаза женщины расширились, пакет выпал из рук, яблоки покатались по линолеуму. Она не закричала. Она открыла рот, но звука не вырвалось — только беззвучный выдох ужаса.

— Господи... Господи Иисусе... — прошептала она наконец. — Кто ты? Что здесь...

Он попытался ответить, но из-под скотча донеслось только нечленораздельное мычание. Женщина отшатнулась, прижала руку к груди. Потом, пересилив страх, сделала шаг, другой. Опустилась на колени рядом с ним. Руки её дрожали.

— Тебе... тебе помочь? Сейчас... сейчас, мальчик, держись.

Она осторожно подцепила край скотча. Артём зажмурился от боли, когда липкая лента отдиралась от разбитых губ, захватывая кусочки кожи. Он закричал — первый нормальный, полноценный звук за два дня. Хриплый, слабый, почти звериный. И тут же закашлялся, задышал ртом, чувствуя, как воздух врывается в пересохшее горло.

— Вода... — выдавил он. Голос был чужим, скрежещущим. — Пожалуйста... вода.

Женщина бросилась на кухню, вернулась с кружкой. Он пил жадно, захлёбываясь, расплёскивая, трясясь всем телом. Потом она перерезала ножницами стяжки. Кровь хлынула в онемевшие пальцы такой острой, обжигающей волной, что он заскулил сквозь зубы.

— Я вызову скорую, полицию, — говорила она, набирая

номер трясущимися пальцами. — Кто это сделал? Кто? Я хозяйка квартиры, я сдаю её посуточно... Девочка снимала, молодая, симпатичная... Господи, что же она...

Артём смотрел в потолок. Трещина-река расплывалась в глазах. Он слышал её голос, слышал, как она говорит диспетчеру адрес, описывает его состояние — «связан, избит, не двигается, скорее, скорее». Слезы текли по его щекам, смешиваясь с кровью и грязью. Но это были не слёзы облегчения.

Это были слёзы потери. Окончательной, невозполнимой.

Скорая и полиция приехали через пятнадцать минут. Врачи наложили шины на вывихнутые плечи, укололи обезболивающее. Кто-то задавал вопросы. Кто-то фотографировал. Хозяйка, закутавшись в пуховик, стояла в дверях и повторяла: «Она показалась мне такой хорошей. Опрятная. Деньги вперёд отдала. И паспорт показала... но, наверное, поддельный, да?»

Артёма погрузили на носилки. Свет фонарей полосовал темноту, мигалки красили стены подъезда в синий и красный. Лица соседей в дверях — шокированные, любопытные, испуганные. Потом холодный ночной воздух, который показался ему сладким после спёртой, пропахшей кровью квартиры. Чёрная пасть «скорой». Каталка. Капельница. Лицо фельдшера над ним, крупное, усталое, человеческое.

— Имя? — спросил фельдшер. — Как тебя зовут?

— Артём, — прошептал он. Губы не слушались.

— Кто это сделал, Артём?

Он закрыл глаза. Перед ним снова возникло её лицо. Не ледяное, из этой квартиры. А то, из кофейни. С тёплой, чуть грустной улыбкой.

— Её звали Алиса, — сказал он.

Машина тронулась, завывала сирена. Артём лежал, глядя в потолок скорой — белый пластик с поручнями, похожими на рёбра какого-то огромного животного. Боль отступала, уступая место ледящему, всепроникающему холоду. Шоку. И внутри, в самом центре его существа, оставалась одна чёткая, холодная, невыносимая мысль.

Они забрали не только деньги. Они забрали у него способность верить. Они оставили его живого, но унесли с собой душу. Он был как тот старик из её книги. Он вытащил из моря иллюзии свою гигантскую рыбу — надежду, счастье, будущее. И всё, что у него осталось на берегу, был окровавленный, воняющий смертью скелет.

Мир потемнел окончательно, но это не был сон. Это было бегство. Последнее, на что у него ещё хватило сил.

ЭПИЛОГ: Картинка

Прошло три месяца.

Физически он почти восстановился. Сломанное ребро зажило, шрам на губе превратился в тонкую белую ниточку, синяки сошли. Деньги... часть их удалось вернуть. Банки заморозили переводы, запутались в цепочках, что-то отыскали. Не всё. Но достаточно, чтобы не думать о хлебе насущном. Он не вернулся на старую работу. Не мог. Код, алгоритмы, экраны — всё это теперь вызывало у него приступы паники, сжатие в груди, как перед ударом током. Он временно, по совету психолога, устроился упаковщиком на складе интернет-магазина. Монотонно, физически, без необходимости думать или кому-то доверять.

Он сидел в кабинете своего психотерапевта и смотрел в окно, выходящее во двор.

— Вы снова избегаете ответа, Артем, — мягко сказала терапевт, женщина лет пятидесяти с усталым, но добрым лицом. — Мы говорим о базовом доверии к миру. Вы сказали, что не можете завести новые знакомства. Почему?

Он продолжал смотреть в окно. На детской площадке девочка лет семи пыталась лепить снеговика. У неё не получалось, снег был рыхлым.

— Потому что каждый человек — это дверь, — тихо ска-

зал он. — А за каждой дверью может оказаться та комната.

— Не каждая дверь ведёт в комнату с пригоревшим соусом, — парировала терапевт, но без иронии. С участием.

— Вы не понимаете, — он наконец повернулся к ней. Его глаза были пустыми, выгоревшими. — Дело не в комнате. Дело в том, что... прежде чем открыть дверь, ты видишь картинку. Красивую, тёплую, идеальную. Ты в неё веришь. Тыходишь. А потом картинка гаснет. И ты остаёшься один в темноте. И понимаешь, что верил не в человека, а в пиксели. Я не могу... я не хочу больше видеть картинки. Лучше уж темнота. Она хоть честная.

Он прошёл все стадии горя: отрицание, гнев, торг, депрессию. И застрял где-то между депрессией и... пустотой. Не было даже сил ненавидеть её. Была только тихая, всепоглощающая тоска по призраку. По той Алисе, которая никогда не существовала, но которая была самым реальным, что с ним случилось.

Полиция вела дело вяло. Квартира — арендована на поддельные документы. Деньги ушли через криптообменники в неизвестность. Фоторобот Алисы висел в деле, но он был бесполезен. Она была мастером превращений. Артем понимал, что её где-то «делали». Учили говорить о Хемингуэе, узнавать, какие цитаты тронут душу уставшего IT-шника, как смеяться, как показывать уязвимость. Это был конвейер. А он — просто один из винтиков, который нужно было обобратить.

Однажды, уже глубокой зимой, он по старой привычке пошёл в тот самый район, где находилась кофейня «Угол». Он не планировал заходить. Просто шёл. И увидел, что на её месте теперь сетевая пекарня. Яркая, шумная, пахнувшая синтетическим ванильным кремом. Ни полок с книгами, ни запаха старой бумаги. Он стоял перед витриной, и его внезапно стошнило прямо в сугроб. Прохожие шарахались.

Дома, лёжа в темноте на своем диване, он иногда брал в руки ту самую перчатку. Он не выбросил её. Она лежала в кармане его пальто в ту ночь, и оперативники отдали её вместе с вещами. Кожа потемнела, сморщилась. Он сжимал её в кулаке, и ему казалось, что он всё ещё чувствует, как в неё вложена её, чуть меньшая, рука. Это был единственный «настоящий» артефакт от той иллюзии. Его Прошка. Уродливый, потрёпанный, но его.

Его мать приезжала каждые выходные. Готовила, убиралась, пыталась говорить о будущем. Он кивал, целовал её в щёку, но внутри был непробиваемый лёд.

Однажды, в метро, он увидел её. Вернее, спину. Такую же тонкую, в таком же большом свитере, такие же волосы. Сердце в груди остановилось, а потом заколотилось с такой силой, что в глазах потемнело. Он ринулся вперёд, расталкивая людей, схватил незнакомку за плечо. Та обернулась — испуганное, незнакомое лицо. Он бормотал извинения, отступал, натываясь на пассажиров, пока не вывалился на какой-то неизвестной станции и не просидел там на скамье два

часа, трясясь как в лихорадке. Это был не порыв любви или мести. Это был животный рефлекс. Как у собаки Павлова. Видел стимул — получал удар током. Его мозг был перепрограммирован.

Прошла ещё одна неделя. Он возвращался со склада поздно, уставший до онемения. Включил свет в своей безликой прихожей и увидел на полу конверт. Простой, белый, без марки. Его просунули в щель под дверью.

Ледяная волна прокатилась по спине. Он стоял, не дыша, глядя на этот конверт. Потом, медленно, нагнулся и поднял его. Он был лёгким. Внутри лежал один-единственный листок, сложенный вдвое.

Он развернул его. Ни подписи, ни обращения. Только три строчки, напечатанные на принтере:

«Они дали мне выбор: или ты, или мой брат. Он задолжал им огромные деньги. Я выбрала брата. Прости. Или не прости. Мне всё равно. Просто знай: картинка, в которую ты верил... она была моей мечтой о другой жизни. Иногда мне тоже хотелось в неё поверить. Прощай.»

Артем медленно соскользнул по стене на пол. Он сидел в прихожей, сжимая в руках этот листок. В голове не было мыслей. Было белое, оглушительное пространство. Потом, медленно, как далёкий гром, пришло понимание.

Это не было оправданием. Это было ещё одним ударом. Более изощрённым, более жестоким. Она не просто украла у него деньги и веру. Она теперь крала у него даже право на

чистую, беспримесную ненависть. Она впрыснула в его рану каплю яда сомнения. А что, если в этом вранье есть доля правды? Что, если этот взгляд, эта улыбка, этот разговор о простых вещах... что, если на миллиметр, на долю секунды, это было по-настоящему? Для неё?

Он засмеялся. Тихо, горько, безумно. Сидя один в своей каморке на окраине. Он смеялся, пока смех не перешёл в рыдания. Он плакал не о себе. Он плакал о ней. О той призрачной Алисе, которая могла бы существовать в другом мире. О их призрачном разговоре в призрачной кофейне. О том бумажном кораблике, который так и не доплыл, а просто раскис, превратившись в мокрую, бесполезную труху.

Он сжёг конверт и листок в раковине, смёл пепел в мусорное ведро. Неважно, правда это или ложь. Неважно. Он не мог больше выносить этих сложностей, этих полутонов. Ему нужна была простая, чёрно-белая реальность. Боль была проста. Пустота была проста.

На следующей сессии терапевт спросила, не случилось ли чего.

— Нет, — сказал Артем, глядя в то же окно. Снеговик у девочки наконец получился. Кривой, неуклюжий, но стоял. — Ничего не случилось. Всё как было.

Он вышел на улицу. Мороз щипал щёки. Он пошёл не на остановку, а просто вперёд, куда глаза глядят. Он прошёл мимо детской площадки, мимо супермаркета, мимостроек и гаражей. Он шёл, пока город не закончился и не началось

поле, покрытое снежным, безжизненным саваном.

Он остановился на краю. Перед ним расстилалась белизна. Чистая, холодная, немая. Никаких картинок. Никаких дверей. Только ветер, свистящий в ушах, да бесконечная, честная пустота.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё. Снег хрустел под ботинками. Он шёл в эту белизну, не зная куда и зачем. Просто шёл. Потому что движение — это ещё один простой, животный рефлекс. И потому что в этой пустоте, наконец, не нужно было ни во что верить. Можно было просто быть. Скелетом на белом снегу. Который помнил, что когда-то был рыбой, мечтавшей о звёздах.

«СИНДРОМ СТОКГОЛЬМСКОГО ПЛАНЕТАРИЯ»

«Мы все — звёзды, давно умершие, но чей свет ещё идёт до нас.

Ты веришь в свет несуществующей звезды?»

А. К. Уиллис

ГЛАВА 1: Свет далёкой звезды

Тишина после аплодисментов всегда казалась Марии громче любого шума. Она стояла на маленькой сцене книжного магазина, улыбаясь, — та самая, профессиональная, чуть отстранённая улыбка владелицы издательства «Орбита», — и ловила в воздухе расплывающиеся клубы словесной пыли. «Потрясающая глубина», «новый взгляд на отношения», «книга, которая меняет жизнь». О книге, которую она только что представляла — милом, пустом романе о несчастной любви миллионера к бариста, — так говорить могли только те, кто никогда не держал в руках «Выжившего» Косинского или «Степного волка».

«Спасибо, спасибо вам всем», — сказала она в микрофон, и голос её, бархатный и уставший, прокатился по залу. Ещё минута — рукопожатия, воздушные поцелуи в щёку, визитки в протянутые ладони, — и она вырвалась на улицу. Ноябрьский вечер вцепился в лицо мокрыми, холодными когтями. Мария закуталась в шерстяное пальто, но оно не спасало от внутреннего озноба, того самого, что поселился в ней года три назад и с тех пор лишь наращивал ледяную корку.

Издательство «Орбита» было её детищем, её крепостью и её золотой клеткой. Она вылавливала таланты, как жемчуг, оттачивала их, выпускала в мир, и мир иногда отвечал бла-

годарностью. Но с каждым годом ловить было нечего. Океан литературы мелел, превращаясь в лужу самоповторов, исковерканных алгоритмами запросов. Она издавала книги, которые хорошо продавались, и ненавидела их тихой, изысканной ненавистью. Они были как искусственный свет — яркий, удобный, но не дающий жизни.

Её собственная жизнь была собрана из таких же искусственных цветов. Стильная лофт-квартира с панорамными окнами, где не на что было смотреть, кроме таких же окон напротив. Дорогой, молчаливый диван, на котором никто не спал, кроме неё. Библиотека, полная шедевров, которые она перечитывать больше не могла — ей казалось, будто она слышит, как между строк шелестят банкноты, которыми эти шедевры теперь оценивались.

Единственным убежищем оставались звёзды. Не те, что на обложках глянцевого журналов, а те — холодные, безразличные, немислимо далёкие. Астрономия была её тихой, никем не разделяемой страстью. В этом был особый, горький шик: искать смысл в том, что по определению его лишено. В бесконечной пустоте, мерцающей обманчивым светом давно умерших солнц.

Она не пошла домой. Ноги сами понесли её к знакомому шестиэтажному зданию, старой типографии, где на последнем этаже располагалась «Орбита». Сторож, старый Николай, кивнул ей, зная привычку. Она поднялась на крышу. Здесь, среди градирен и антенн, у неё был свой угол — склад-

ное походное кресло и невзрачный ящик, в котором жил её «Цейсс» — потрёпанный, но верный «карманный» телескоп.

Воздух здесь был другим — острым, разрежённым, пахнущим не выхлопами, а зимой и высотой. Она навела телескоп, щурясь, нащупала знакомые очертания. Орион. Пояс Ориона. Три жемчужины на чёрном бархате. Бетельгейзе, красный гигант, готовый взорваться в любой момент — по меркам вселенной. Завтра. Или через сто тысяч лет. Какая разница?

Она оторвалась от окуляра. Город лежал внизу россыпью фонарей — земных, наглых, настырных звёзд. И она посреди них — одна-одинешенька. Песчинка, которая осознала свою ничтожность и теперь не могла этого забыть. В этом была её главная боль — не в одиночестве как таковом, а в невозможности разделить с кем-то тяжесть этого знания. С кем-то, кто смотрел бы на ту же бесконечность и чувствовал бы не страх, а странное, щемящее родство.

Звонок телефона вырвал её из оцепенения. Сообщение от Алены, её главного редактора: «Маш, ты просто богиня! Все в восторге! Завтра обсудим тираж. Отдыхай!»

Мария выключила телефон. Слово «отдыхай» резануло, как насмешка. Отдых — это когда есть куда возвращаться. У неё был только пункт отправления.

На следующий вечер она почти не помнила, как решилась пойти на эту лекцию. Глаза сами зацепились за какую-то рекламную листовку в университете: «Поэтика космоса в про-

зе Станислава Лема. Между наукой и трансцендентностью». Читал какой-то приглашённый профессор из Праги. Место действия — маленький, душный зал в Доме учёных, пропахший старыми книгами и пылью.

Она сидела в последнем ряду, почти в темноте, позволяя мудрёным терминам проплывать мимо ушей. Лектор говорил о «горизонтах событий» и «когнитивных барьерах». Сухо, академично. Мария уже пожалела, что пришла, и собиралась незаметно улизнуть, когда в конце, во время вопросов, с первого ряда поднялся человек.

Его было плохо видно — лишь силуэт на фоне света от проектора. Но голос... Голос был низким, негромким, и говорил он не на языке терминов.

— Извините, — сказал он. — У меня вопрос не столько к тексту Лема, сколько через него. Вы говорили о невозможности контакта. Но разве не сама эта невозможность — и есть форма контакта? Самая честная? Мы тоскуем не по «другим», а по самой идеи «другого». Можно ли считать ностальгию по несуществующей, никогда не виданной родине — самой чистой формой тоски по космосу? Или это просто красивая патология?

В зале повисла тишина. Лектор замер, потирая переносицу. Мария перестала дышать. Этот вопрос был вырван прямо из её головы, из тех ночных бдений на крыше. Он был сформулирован так, как она сама никогда не смогла бы — точно, ясно, без лишнего пафоса.

— Это... очень интересная перспектива, — наконец выдал лектор. — Но мы, пожалуй, выходим за рамки...

Человек кивнул и сел. Лекция закончилась. Мария, движимая импульсом, который сама не могла объяснить, задержалась, дожидаясь, когда зал опустеет. Она увидела его, когда он надевал пальто у выхода. Высокий, немного сутулый, в очках в тонкой металлической оправе. Лицо не запоминающееся, но в нём была странная усталость, не от сегодняшнего дня, а от чего-то большего.

Она поймала его взгляд случайно. И тут он заметил у неё в руках сумку — не дизайнерскую, а простую холщовую, и из неё выглядывал потрёпанный корешок. Сборник Борхеса в старом, любимом переводе.

Он остановился. В его глазах, серых и глубоких, как туманность, мелькнула искра живого интереса.

— Простите за навязчивость, — сказал он, и его голос вблизи оказался ещё более бархатистым, чуть хриловатым. — Но это же «Вымыслы»? Издание семидесятого года?

Мария кивнула, не в силах вымолвить слово.

— У меня было такое, — он улыбнулся, и улыбка преобразила его лицо, сделав моложе и печальнее одновременно. — Подарил отец. Сгорело в доме, вместе с библиотекой. Самое обидное — даже не книги, а пометки на полях. Диалог, прерванный на полуслове.

Он говорил не о стоимости, не о редкости. Он говорил о памяти. О потерянном диалоге.

— «Смерть и буссоль», — вдруг сказала Мария, находя голос. — Там... в том издании была опечатка в самом интересном месте.

— В рассуждении Лённрота о природе зла, — мгновенно отозвался он. — Да. Они напечатали «абсурд» вместо «абсолют». Целая философская концепция пошла прахом. — Он посмотрел на неё с новым, оценивающим интересом. — Вы знаете испанский?

— Нет, только читаю со словарём.

Он что-то вспомнил, и его глаза потеплели.

— «El universo (que otros llaman la Biblioteca)...» — начал он тихо, нараспев, и продолжил по-испанскому, цитируя наизусть начало «Вавилонской библиотеки». Его произношение было безупречным, а голос придавал словам ту самую космическую, вневременную грусть, которой было наполнено эссе Борхеса.

Мария слушала, замороженная. Она не понимала слов, но понимала всё. Мурашки побежали по коже. В этом душном зале, среди расходящихся людей, он одним своим голосом выстроил вокруг них пространство тишины и смысла.

Он закончил и слегка смутился, как бы извиняясь за свой порыв.

— Простите, я... иногда увлекаюсь. Меня зовут Лев.

— Мария, — выдохнула она.

— Мария, — повторил он, как бы пробуя имя. — Вы... часто ходите на такие лекции?

— Нет. Первый раз. Кажется, мне повезло.

Он снова улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики мелких морщинок.

— Везение — понятие статистическое. А статистика во вселенной — штука жестокая. Но сегодня, возможно, она была на нашей стороне.

Он посмотрел на часы — простые, механические, на кожаном ремешке.

— Мне пора. Но... надеюсь, наши орбиты пересекутся снова. Было невероятно приятно.

Они не ловко обменялись телефонами, он кивнул и растворился в темноте коридора. Мария осталась стоять, прижимая к груди сумку с Борхесом. В ушах ещё звенели звуки незнакомого языка, а в груди бушевало что-то новое, забытое, опасное. Не возбуждение. Не влюблённость. Узнавание.

Она вышла на улицу. Ночь была такой же мокрой и холодной. Но теперь, глядя на затянутое облаками небо, она не чувствовала той ледяной пустоты. Она чувствовала тайну. Где-то там, за пеленой туч, мерцали те самые звёзды. И, возможно, где-то там же, на другой крыше или в другой комнате, кто-то другой смотрел на них и думал о прерванном диалоге, об опечатках в великих книгах, о ностальгии по несуществующей родине.

Она шла домой, и её шаги были легче. В её идеально пустой квартире свет казался не таким уж искусственным. Она поставила Борхеса на полку, провела пальцами по корешку.

«Диалог, прерванный на полуслове...»

Перед сном она подошла к окну, пытаясь разглядеть в разрывах туч хоть одну точку света. Не увидела. Но впервые за долгие годы ей показалось, что это не страшно. Что где-то есть свет, который, пусть и с опозданием в миллионы лет, всё же доберётся.

Она заснула быстро, без обычных мыслей о тиражах, контрактах и бессмысленности всего. Ей снилась не звёздная карта, а один-единственный голос в темноте, цитирующий Борхеса на языке, которого она не знала, но который вдруг стал понятнее родного.

ГЛАВА 2: Созвездие из слов

Мысль о Льве висела в сознании Марии легким, навязчивым туманом. Не как одержимость — она была слишком стара и слишком устала для одержимостей. Скорее, как сложная, неразрешенная нота в симфонии ее повседневности. Звонок будильника, отчеты, переговоры с типографией, корректура бесконечной рукописи о «счастье быть собой» — все это пропускалось через фильтр вопроса: «А что бы сказал на это «он»?»

Он не написал первым. Это и подкупало, и бесило одновременно. Она ловила себя на том, что проверяет телефон чаще обычного, и тут же злилась на эту слабость. Возможно, он был просто вежливым эрудитом, разговарившимся в темноте лекционного зала. Возможно, его орбита уже унесла его в другую часть вселенной.

Через три дня, поздно вечером, когда она в сотый раз перечитывала договор и уже почти выкинула ту встречу из головы, на экране телефона всплыло уведомление. Неизвестный номер. Текст был простым и лишенным всяких прелюдий:

«Сегодня ночью, если смотреть на северо-восток за час до рассвета, можно будет увидеть след от ракеты «Союз». Она выводит спутник на орбиту. Получается очень красиво: ру-

котворная звезда рисует серебряный шрам на небе. Как будто вселенная на миг позволяет себя поцарапать. Если, конечно, позволит погода. Л.»

Мария замерла, прижав телефон к груди. Она подошла к окну. Сплошная облачность. Никаких шрамов на небе не было видно. Но она знала, что там, за толщей туч, он есть. И знал об этом кто-то еще. Не абстрактный астрономический прогноз, а конкретный человек, который подумал, что ей это может быть интересно.

Она не ответила. Не сразу. Ответ пришел сама собой через полчаса, когда она вдруг отложила договор, открыла браузер и нашла в сети фотографию того самого явления — серебряной нити на черном бархате. Она сохранила ее и отправила ему без комментариев.

Через минуту пришел ответ. Текст и файл.

«Нашел это сегодня. Кажется, вам понравится.»

К сообщению был прикреплен файл PDF. Она открыла его с легким трепетом, как будто разламывала печать на древнем свитке.

Это был рассказ. Без названия, без имени автора. Шрифт «Курьер», простая верстка. Она начала читать, откинувшись в кресле, и через пять минут мир за окном — дождливый, серый, озабоченный — перестал существовать.

Это была история об астрономе. Не о гениальном ученом, а о простом смотрителе обсерватории где-то на краю света, человеке с разбитым сердцем и тихим, методичным

умом. Он влюблялся в переменную звезду. Не в метафору, а в конкретный, тусклый огонек в созвездии Цефея, который то разгорался, то угасал с четким, предсказуемым ритмом. Он изучал ее циклы, предсказывал ее максимумы и минимумы, и в этих предсказаниях, в этой абсолютной, безответной предсказуемости нашел покой, которого не было в человеческих отношениях. А потом его расчеты показали, что звезда — сверхновая. Что она уже взорвалась. И свет от этого взрыва, несущий с собой весть о гибели, шел к нему тысячу лет. Каждую ночь он смотрел на спокойно мерцающую точку, зная, что видит призрак. Зная, что его любовь, его единственная уверенность — это уже история, давно закончившаяся. Последняя строчка рассказа была: «Он ждал. Не света взрыва — тот был еще в пути. Он ждал того дня, когда небо наконец скажет ему правду. И это ожидание было единственным, что еще казалось ему настоящим».

Мария не заметила, как по ее щеке скатилась слеза и упала на экран телефона. Текст был гениален. Не красотами, а той самой, выстраданной тишиной, пронзительной и безжалостной честностью перед лицом бесконечности. Это было то, что она тщетно искала в тоннах присылаемых ей рукописей. Голос, который говорит не с публикой, а с бездной. И бездна ему отвечает.

Ее пальцы задрожали, когда она набирала ответ.

«Это... невероятно. Кто автор?»

Ответ пришел быстро.

«Неважно. Он никому не отдавал. Считал это слишком личным. Но я подумал, что вы поймете.»

«Я понимаю. Слишком хорошо понимаю. Это больно.»

«Да. Но это честная боль. Как перелом. В ней есть своя чистота.»

И так началось. Их общение не было похоже ни на что из ее опыта. Оно не имело ритма свиданий, не укладывалось в схемы «ухаживания». Оно возникало спорадически, как вспышки той самой переменной звезды, и всегда было наполнено до краев. Он присылал отрывки — то ли свои, то ли чужие, она так и не поняла. Фрагменты о космонавте, который в невесомости забыл, как плакать, и слезы скапливались у него в глазницах, мешая смотреть в иллюминатор. О девушке, вычислявшей по звездам не координаты, а вероятность того, что ее бросивший возлюбленный когда-нибудь посмотрит на то же самое созвездие. Каждый текст был маленьким, совершенным устройством для вызывания тихой катастрофы в душе. И каждый раз после прочтения она чувствовала себя одновременно опустошенной и наполненной, как после долгого, очищающего плача.

Через неделю он позвонил. Голос в трубке показался еще более реальным, еще более близким.

— Мария. Есть один человек. Он сторож в городском планетарии. Старый друг. Иногда он пускает меня... после всего. Когда там никого нет. Хотите увидеть, как выглядит вселенная, когда на нее не смотрят посторонние глаза?

Она хотела. Больше, чем когда-либо чего-либо хотела.

Он встретил ее у служебного входа ровно в полночь. Старый сторож, морщинистый, как печеное яблоко, молча кивнул и пропустил их внутрь. Они прошли по темным, тихим коридорам, пахнувшим старым деревом и пылью. И вот они в зале. Полная, густая, бархатная темнота. Шуршание их шагов по ковру казалось кощунственным.

— Садитесь, — тихо сказал Лев. — Ложитесь, если хотите.

Она опустилась в одно из кресел, откинула спинку. Где-то щелкнул выключатель, и над ними, медленно, бесшумно, зажглось небо.

Но это было не то небо, что показывали днем школьникам. Не было закадрового голоса, не было ярких стрелочек. Звезды зажглись все разом — тысячи, миллионы точек. Сначала хаотично, а потом, по мере того как глаза привыкали, проступали знакомые очертания: Млечный Путь, раскинувшийся серебряной рекой, темные провалы туманностей.

— Вот, — его голос донесся из темноты рядом. Он лежал в соседнем кресле. — Теперь смотрите не на созвездия. Смотрите между ними. На черноту. На ту самую ткань, на которую они нашиты.

Она смотрела. И постепенно чернота перестала быть просто отсутствием света. Она стала глубиной. Бездной. Бесконечно сложной, плотной, живой материей. Звезды были не главными героями, а случайными иголками, воткнутыми в

эту тьму.

— Мой брат, — сказал Лев так тихо, что слова почти потонули в тишине. — Младший. Он умер, когда мне было семнадцать. Лейкемия. Последние недели он почти не спал. Боялся, что проспит что-то важное. Я сидел с ним, и мы просто смотрели в окно. На небо. Он спрашивал: «Лёва, а там, где нет звезд, там что? Просто дырка?» Я не знал, что ответить. Теперь я знаю. Там — всё. Все возможности, все миры, которые не случились. Все его недожитые годы. Они там. В этой черноте. Я иногда вижу его лицо в очертаниях Большой Медведицы. Это, наверное, глупо.

— Нет, — прошептала Мария. Слезы текли по ее вискам и капали на ткань кресла. — Это не глупо. Это правильно.

Он рассказал ей о брате не как о трагедии, а как о факте. Как о планете, которая была в его солнечной системе и вдруг исчезла, оставив после себя лишь гравитационную аномалию, искривляющую все вокруг.

Они пролежали так больше часа, не говоря ни слова, просто дыша одним и тем же, звёздным воздухом. Для Марии это было сакральное действие. Она впустила его в самое сокровенное — в свой внутренний космос. И он пришел не как захватчик, а как тот самый, долгожданный астроном, который наконец-то говорит на ее языке.

Когда они вышли на улицу, уже светало. Серый, унылый рассвет затягивал небо, как дешевая простыня.

— Спасибо, — сказала Мария. И это было самое неполное

слово из всех возможных.

— Это я должен благодарить, — он улыбнулся, и на уставшем лице эта улыбка была похожа на луч, пробившийся сквозь тучи. — За компанию в пустоте.

Он не попытался ее поцеловать. Не взял за руку. Он просто кивнул и пошел в сторону метро, засунув руки в карманы поношенного пальто. Она смотрела ему вслед, и странное чувство покоя, смешанное с щемящей тоской, наполняло ее. Он был таким же, как его тексты, — бездонным, немного печальным и абсолютно реальным. Никакого флирта, никаких игр. Только суть.

Вернувшись домой, она села за компьютер. На столе лежала рукопись того самого молодого автора, которого она открыла, — странная, дерзкая, полная жизни. Она читала ее на днях и не могла понять, в чем подвох. Теперь поняла. Ей не хватало глубины. Той самой черноты между строк. Она взяла красный карандаш и написала на титульном листе: «Слишком светло. Добавь тьмы. Иначе не видно будет звезд».

Потом она отправила Льву сканы этой рукописи, без комментариев. Он ответил через два часа. Не оценкой, а целым эссе. Разбором слабых мест, блистательными идеями, как можно исправить, куда повернуть сюжет. Его анализ был гениален. Точно таким редактором, как он, она мечтала быть сама.

В конце он написал: «Вы дарите миру чужие вселенные. Кто-то должен дарить вселенные вам. Спасибо, что позволи-

ли заглянуть в очередную. Это большая честь.»

Мария откинулась в кресле, закрыла глаза. В ушах стоял гул тишины планетария. Перед глазами — его профиль на фоне мерцающих созвездий. Она не думала о том, где он работает, кто его друзья, какая у него квартира. Эти детали казались мелкими и неважными перед лицом того, что они делили — понимания космического одиночества и тихого мужества смотреть на него, не отводя глаз.

Она была почти счастлива. И именно поэтому не заметила единственный, крошечный звоночек. За все их разговоры — о прошлом (о брате, о сгоревшей библиотеке), о будущем (о книгах, которые он «когда-нибудь» напишет, о звездах, которые она «когда-нибудь» увидит в настоящий телескоп) — он ни разу не сказал ни слова о своем настоящем. О том, что он делал вчера. Где живет сейчас. Над чем работает в эту самую минуту. Его «сейчас» было размытым, как далекая галактика, видимая лишь боковым зрением. Но Мария, ослепленная светом далекой, наконец-то найденной звезды, не смотрела по сторонам. Она смотрела только вперед, в ту точку, куда указывал его голос.

ГЛАВА 3: Реликвия

Следующие две недели стали для Марии временем странной, парящей невесомости. Мир «Орбиты» — с его бесконечными корректурами, капризными авторами и вечными вопросами о рентабельности — продолжал вращаться по своей оси, но она уже не чувствовала себя его гравитационным центром. Она была где-то над ним, на орбите, заданной Львом.

Он не был навязчив. Его сообщения приходили, как дождь в пустыне — редкие, но каждый раз наполнявшие её до краёв. Он присылал фотографии странных небесных явлений, которые сам якобы наблюдал: серебристых облаков, похожих на космических медуз, или гало вокруг луны, которое он назвал «небесным перстнем-невидимкой». Он цитировал редкие стихи про космос японских поэтов эпохи Сёва. Он спрашивал её мнение о строчке из только что прочитанной книги

Однажды вечером он позвонил и сказал:

— У меня есть что-то. Хочу показать только вам. Можно я зайду?

Голос звучал взволнованно, почти благоговейно. Мария, не задумываясь, сказала «да». Её квартира, эта стерильная витрина успеха, вдруг показалась недостойной такого визи-

та. Она в панике сгребла разбросанные рукописи в папку, поправила диванные подушки. Бесплезная суета.

Он пришёл с наступлением сумерек. В руках у него была длинная картонная трубка от калькуляционной бумаги, потрёпанная, перевязанная бечёвкой. Сам он выглядел иначе — сосредоточенным, серьёзным, с тем самым отсветом тайны в глазах, который она впервые заметила в планетарии.

— Простите за беспокойство, — сказал он, снимая пальто. Он был в том же свитере, что и тогда, и от него пахло не парфюмом, а морозным воздухом и чем-то ещё — старым деревом, библиотечной пылью. — Я не мог не показать это кому-то. А кому ещё, как не вам?

Он аккуратно развязал бечёвку, вытащил из трубки свёрток, бережно развернул его на её огромном дубовом столе, прижав края книгами. Мария замерла.

Это была карта. Но не та, что печатают в атласах. Рукописная. Выполненная чёрными чернилами на пожелтевшей, плотной бумаге с водяными знаками. В центре — изящно выведенный круг эклиптики, усыпанный сотнями крошечных, тщательно прорисованных звёзд. Созвездия были обозначены не линиями, а пунктирными контурами, как будто художник боялся нарушить гармонию неба. На полях — латинские названия, цифры, странные, почти поэтические пометки на русском: «здесь туманность плачет», «путь одинокого путника», «сфера неподвижных снов». В нижнем углу стояла дата: «18..» (последние две цифры были смазаны) и

инициалы: «В.О.»

— Это... — голос Марии сорвался в шёпот. — Это невероятно. Кто?

— Профессор Владимир Орлов, — тихо сказал Лев, не сводя глаз с карты. — Затворник, астроном-любитель, мистик. В середине XIX века он десять лет провёл в деревянной обсерватории под Вологдой, составляя эту карту. Он не столько фиксировал координаты, сколько пытался зарисовать... душу неба. Как он это видел. Он считал, что у каждой звезды есть характер. Что туманности — это мысли Бога, ещё не оформившиеся в миры. Эта карта — его главный труд. И она исчезла. Считалось, что сгорела вместе с его архивом.

— Как она оказалась у вас? — Мария не могла оторвать взгляда от тончайших линий, от трепетной дрожи в штрихах, выдававшей руку живого, вдохновенного человека.

Лев помолчал, его лицо омрачилось.

— Длинная история. Связана с одним коллекционером... не самым чистым на руку. Я её... отбил, можно сказать. Временно. Для изучения. Чтобы сделать цифровую копию, сохранить для потомков. Оригинал придётся вернуть. Но пока... — он посмотрел на Марию, и в его взгляде была мольба и доверие, от которых ёкнуло сердце. — Пока я не знал, кому можно её показать. Кто поймёт. Она не должна лежать в сейфе. Её нужно видеть. Чувствовать.

Он позволил ей прикоснуться. Бумага была хрупкой,

шершавой. Под подушечками пальцев она ощущала лёгкие неровности чернил, будто следы биения пульса того давно умершего человека. Это была реликвия. Мост через время. В этой комнате, пахнувшей кофе и деньгами, вдруг запахло воском свечей, морозной ночью и безумием одинокого гения.

— Можно я... сфотографирую фрагмент? — попросила Мария, чувствуя себя святотатцей.

— Конечно. Только никому. Это наша тайна. Вселенского масштаба, — он улыбнулся, и напряжение в его плечах спало.

Они просидели над картой несколько часов. Лев указывал на детали: вот здесь Орлов изобразил несуществующую двойную звезду — свою гипотезу, которую так и не доказал. А здесь, в углу, едва заметная надпись: «Nihil sine causa» — «Ничто без причины». Он рассказывал об Орлове так, как будто лично знал его: о его любви к одной женщине, которая вышла замуж за другого, о его вере в то, что звёзды влияют не на судьбы, а на качества душ.

Мария слушала, и мир за окном окончательно перестал существовать. Здесь было всё: тайна, красота, глубина, разделённое понимание. Он доверил ей сокровище. Нет, больше чем сокровище — святыню. И в этом доверии было больше близости, чем в любом поцелуе.

Поздно, уже за полночь, Лев взглянул на часы и встревожился.

— Мне пора. Завтра... мне нужно уехать. В обсервато-

рию, в Пушино. На пару дней. Коллеги зовут, нужно сверить данные по одному любопытному пульсару. — Он начал аккуратно сворачивать карту. Руки его слегка дрожали.

— А карта? — спросила Мария, охваченная внезапной паникой при мысли, что это чудо исчезнет.

— Оставлю у вас, — сказал он решительно, глядя ей прямо в глаза. — Здесь ей будет безопаснее, чем у меня в разъездах. И... честно говоря, я не могу её сейчас вернуть тому коллекционеру. Не всё улажено. Вы сохраните её для меня? Ненадолго.

Он произнёс это не как просьбу, а как общее дело. Как клятву.

— Сохраните для меня вселенную, Мария.

Эти слова парализовали её. Они легли на душу горячим клеймом. Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Он уложил свёрнутую карту обратно в трубку, бережно, как ребёнка в колыбель, и протянул ей.

— До послезавтра. Максимум — до среды. Я позвоню, как вернусь.

На пороге он обернулся. Свет из прихожей падал на его лицо, делая его резким и уязвимым одновременно.

— Спасибо, — сказал он просто. — За всё.

И ушёл.

Мария осталась стоять посреди гостиной, прижимая к груди картонную трубку. Она ощущала её вес — не физический, а исторический, почти мистический. Она отнесла её

в кабинет, в самый дальний, запёртый ящик стола. Но даже спрятанная, карта заполнила собой всю квартиру. Теперь каждый предмет — дорогой диван, стерильная кухня, полки с книгами — казался бутафорией, дешёвым фоном для этого единственного подлинного артефакта.

Дни пролетели в состоянии напряжённого, сладкого ожидания. Она не писала ему, не желая нарушать его «важную работу». Она жила в ожидании его звонка, его возвращения. Она ходила на работу автоматом, а вечерами сидела в кабинете, иногда просто открывая ящик и глядя на трубку. Она чувствовала себя хранителем Грааля. Избранной.

В понедельник утром, когда она только села за разбор почты, в приёмную ворвалась её помощница, Катя, с круглыми от испуга глазами.

— Мария Викторовна, к вам... двое мужчин. Из... из службы безопасности какого-то музея. Говорят, срочно.

Прежде чем Мария успела что-то сказать, в дверь её кабинета вошли двое. Один — пожилой, с лицом чиновника, на котором навеки застыло выражение лёгкого отвращения к миру. Второй — молодой, крепко сбитый, с пустым, ничего не выражающим взглядом. Оба были в строгих, неброских костюмах.

— Мария Викторовна Сомова? — спросил старший, предъявляя удостоверение с гербом. «Федеральная служба... Музей истории науки и техники... Отдел безопасности». — Мы вынуждены побеспокоить. Речь идёт об утра-

ченном музейном экспонате. Очень ценный. Рукописная звёздная карта работы профессора Владимира Орлова, XIX век.

Мир под ногами Марии дрогнул и поплыл. Она судорожно сглотнула, пытаясь сохранить лицо.

— Я... не понимаю. Какое отношение это имеет ко мне?

Молодой человек молча положил перед ней на стол планшет. На экране — фотография. Та самая карта. Крупным планом — угол с пометкой «Nihil sine causa».

— Эта карта была похищена из закрытого фонда три недели назад, — ровным голосом сказал старший. — Мы вышли на след человека, который, по нашим данным, присвоил её. Лев Горин. Он, как мы понимаем, ваш... знакомый.

Имя прозвучало как выстрел в тишине. Мария почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Лев... Он... он говорил, что изучает её. Что временно...

— «Временно» — это ключевое слово, — перебил её чиновник. — Карта была изъята незаконно. Горин не имел на неё никаких прав. Более того, у нас есть основания полагать, что он связан с группой, занимающейся хищением и перепродажей культурных ценностей. Он использовал свои научные связи для доступа. Мы следили за ним. А сейчас он скрывается. И мы считаем, что эта карта может находиться у вас.

Он посмотрел на неё тяжёлым, неумолимым взглядом.

— Вы можете быть привлечены к уголовной ответственности за хранение краденого. Вам грозит до семи лет. Как и ему.

Семь лет. Стены её кабинета, её крепости, вдруг сомкнулись, превратившись в стены камеры. «Nihil sine causa». Ничто без причины. Причина сейчас сидела перед ней с ледяными лицами и грозила уничтожить всё, что она строила.

— Я... — её голос был чужим, хриплым. — У меня её нет.

Молодой человек медленно обвёл взглядом кабинет. Его взгляд скользнул по книжным шкафам, по сейфу в углу, остановился на её лице.

— Мы можем получить ордер на обыск. Но, возможно, вам будет проще сотрудничать. Где карта, Мария Викторовна?

В этот момент её телефон на столе завибрировал. На экране всплыло имя: «Лев».

Двое мужчины переглянулись. Старший кивнул в сторону телефона.

— Можете ответить. Только помните об ответственности. Мария с дрожащими пальцами поднесла трубку к уху.

— Алло? — её голос прозвучал как скрип ржавой двери.

— Мария, — его голос был прерывистым, полным отчаяния, которого она никогда у него не слышала. — Они нашли меня. Я... я не знал, что всё так серьёзно. Это ловушка. Меня подставили. Мне грозит тюрьма. Ты должна знать правду.

Он говорил, а она смотрела на безжалостные лица напро-

тив и чувствовала, как почва уходит из-под ног, и падает она не в бездну, а в ледяную, хорошо охраняемую яму, вырытую для неё самой.

ГЛАВА 4: Теорема предательства

Слово «тюрьма» повисло в воздухе кабинета, тяжелое и непрозрачное, как свинцовое стекло. Мария зажала телефон в потной ладони, чувствуя, как взгляды двух незнакомцев впиваются в неё, словно хирургические иглы.

— Кто они? — выдавила она в трубку, пытаясь хоть как-то совместить голос Льва из планетария с этим искаженным паникой шепотом.

— Неважно. Служба безопасности музея. Или те, кто прикидывается ими. Мария, ты в опасности. Карта у тебя... — он сделал паузу, и в тишине был слышен только его прерывистый вздох. — Они придут к тебе. Это была ловушка с самого начала. Меня использовали, чтобы передать её тебе, сделать тебя крайней.

Старший чиновник негромко кашлянул, напоминая о своём присутствии. Его лицо выражало ледяное терпение. Мария закрыла глаза. У неё в голове стучало: «Ловушка. Ловушка. Ловушка». Но чья? Его? Их общая?

— Что мне делать? — прошептала она, и в этом шёпоте была мольба не только к нему, но и ко вселенной, которая ещё вчера казалась такой прекрасной и загадочной.

— Только не отдавай им карту! — его голос сорвался. — Они её уничтожат или продадут в частные руки за границу.

Она должна остаться здесь. В России. Ты понимаешь? Это наше наследие. Но и хранить у себя ты не можешь. Они тебя сомнут.

Он говорил так убедительно. В его панике сквозила та самая ответственность за «наследие», которая и подкупила её с самого начала. Всё ещё могло быть правдой. Всё ещё могло быть благородной тайной, в которую вломились грубые люди в костюмах.

— У меня есть выход, — быстро, почти неразборчиво зашептал он. — Нужны деньги. Большие. Чтобы замять дело, чтобы вернуть карту «законному владельцу» (он произнёс это с горькой иронией), чтобы откупиться от этих... шакалов. Но у меня их нет. Но если я не сделаю этого завтра... меня арестуют. И придут за тобой.

— Сколько? — спросила Мария автоматически, и тут же ужаснулась себе. Она вела переговоры о взятке, сидя напротив людей, которые, возможно, представляли закон.

— Три миллиона. Наличными. Или перевод на... на нейтральный счёт. Я всё улажу. Я верну тебе каждую копейку, как только смогу продать свою долю в одном проекте. Клянись тебе. Клянись памятью брата.

Последняя фраза добила её. Он не клялся звёздами. Он клялся самым больным, самым настоящим, что у него было. Её сердце, уже разорванное на части страхом и недоверием, сделало последний, отчаянный рывок в сторону веры. Она хотела верить. Потому что альтернатива — верить в то, что

он чудовище, что всё это театр, — была смертельна. Уничтожала не просто отношения, а её картину мира, её веру в то, что глубину не подделать.

— Я... я не знаю, где взять такие деньги, — честно сказала она, глядя на непроницаемые лица напротив.

— В издательстве, — тихо сказал он. — Ты же владелица. Залог. Аванс под будущий тираж. Что угодно. Мария, я умоляю. Это не для меня. Это для карты. Чтобы она осталась здесь. И чтобы ты... чтобы ты была в безопасности.

Он говорил «ты». Заботился о ней. Сквозь собственную панику.

— Ладно, — выдохнула она, не думая, повинувшись инстинкту, который кричал: «Спаси его! Спаси то, что между вами!». — Я попробую.

— Я позвоню завтра. Утром. Будь осторожна. И... прости меня. За всё.

Связь прервалась. Мария медленно опустила телефон на стол. Ладонь была мокрой.

— Ну что, Мария Викторовна? — спросил старший. Его тон был вежливым, но в нём звенела сталь. — Готовы сотрудничать?

— Карты у меня нет, — сказала она, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Внутри всё дрожало, но линия была проведена. Она поверила Льву. Она встала на его сторону против этих людей с ледяными глазами. — Лев Горин только что подтвердил, что стал жертвой провокации.

Молодой человек фыркнул. Старший лишь поднял бровь.
— Очень удобная версия. Для вас обоих. Подумайте, Мария Викторовна. Мы вернёмся. С орденом. И с гораздо менее любезным настроем.

Они ушли, оставив после себя запах официальной бумаги и холодной угрозы.

Весь день Мария провела как во сне. Она отменяла встречи, не могла сосредоточиться на текстах. Слова расплывались перед глазами. В голове крутилась одна мысль: три миллиона. Где взять три миллиона, не уничтожив «Орбиту»?

К вечеру решение, отчаянное и безрассудное, созрело. У неё был автор — знаменитый, капризный, но гениальный старик, который как раз вёл переговоры о продлении контракта на свои бестселлеры. Аванс за будущие книги должен был составить как раз около трёх миллионов. Деньги ещё не были перечислены, но предварительное соглашение было. Она могла... оформить это как срочный внутренний заём под личную ответственность. Сказать бухгалтерии, что это для «секретного приобретения прав на сенсационную рукопись» — такое в издательском мире случалось. Риск колоссальный. Но и ставка — вся её жизнь, её свобода, её... их общая тайна.

Она позвонила главному бухгалтеру, Наталье Петровне, женщине с умом калькулятора и душой инквизитора.

— Наталья Петровна, мне срочно нужно три миллиона. До конца недели. Оформляем как беспроцентный заём со

мной как поручителем. Цель — стратегическое приобретение. Детали не разглашаются.

В трубке повисло долгое, тяжёлое молчание.

— Мария Викторовна, это... нестандартно. Устав... Риски...

— Я беру всё на себя, — перебила её Мария. — Оформляйте.

Она положила трубку, чувствуя, как подступает тошнота. Она только что перешла Рубикон. Подписала себе финансовый смертный приговор ради человека, которого знала всего несколько недель. Ради призрака.

Ночью она не спала. Она вынула трубку из ящика, развернула карту. При тусклом свете настольной лампы чернила Орлова казались ещё более живыми, почти пульсирующими. «Nihil sine causa». Ничто без причины. Причина её безумия лежала перед ней. Или причина его ловушки?

Утром, как и обещал, позвонил Лев. Голос был чуть спокойнее, но измождённым.

— Ну что?

— Деньги будут, — сказала Мария. — Сегодня к вечеру. Куда переводить?

Он с облегчением вздохнул, и этот звук тронул что-то в её почти мёртвом сердце.

— Я пришлю реквизиты. На подставную фирму, для конспирации. Как только они получают деньги, давление должно ослабнуть. Я сразу же начну процесс возврата карты «закон-

ным путём». И... Мария?

— Да?

— Спасибо. Ты не представляешь... Я верну. Всё. Я найду способ.

Он звучал искренне. Разбито, устало, но искренне. Она хотела в это верить. Это было единственное, что не давало ей сойти с ума.

В течение дня реквизиты пришли. Счёт на какую-то тускловую контору с названием «СтройЛогистика». Наталья Петровна, бледная как полотно, принесла бумаги на подпись. Её взгляд говорил: «Вы с ума сошли». Мария подписала, не глядя.

В четыре часа дня деньги ушли. Три миллиона рублей. Годовой доход небольшого, но успешного издательства. Кровь «Орбиты».

Она отправила Льву сообщение: «Готово».

Ответ пришёл через минуту: «Ты спасла мне жизнь. И карту. Жди весточки. Скоро всё закончится».

Она сидела в своём кабинете в полной темноте, кроме света от экрана компьютера. На нём горел счёт «Орбиты». Баланс был жалким. Если в течение месяца не придут обещанные платежи от дистрибьюторов, начнутся задержки с зарплатой, потом с арендой... Но это было неважно. Важно было то, что он свободен. Что их тайна в безопасности. Что вселенная Орлова не уплывёт в чужие, корыстные руки.

Она ждала его звонка всю неделю. Сначала с надеждой,

потом с тревогой, потом с нарастающим ужасом. Телефон Льва не отвечал. Сообщения не доходили. «Скоро всё закончится» — эта фраза теперь звучала как зловещее пророчество.

Через неделю она, обезумев от страха, позвонила в обсерваторию в Пушино.

— Лев Горин? Нет, у нас такого сотрудника нет. И не было.

Она обзвонила планетарии. Его не знали. Она вбила его имя в интернет. Никаких следов астрофизика Льва Горина. Ни статей, ни упоминаний на конференциях. Он был призраком.

И тогда, в полной, ледящей тишине своего кабинета, Мария Сомова, владелица издательства «Орбита», хранительница звёздной карты XIX века и трёх миллионов исчезнувших в никуда рублей, наконец позволила себе услышать правду.

Её не обманули.

Её «выбрали».

Тщательно, методично, гениально.

И она, интеллектуалка, знаток человеческих душ по книгам, прошла весь путь, как по нотам. От первой встречи до последней жертвы.

Она не заплакала. Она засмеялась. Тихим, безумным, беззвучным смехом, от которого содрогнулись стены её кабинета. Она смеялась над звёздами, над Борхесом, над «чест-

ной болью», над «наследием», над своей собственной, колоссальной, вопиющей глупостью.

Потом смех сменился тишиной. Гробовой. В ней не было даже боли. Только вакуум. Та самая космическая пустота, которой она так восхищалась. Теперь она была внутри неё.

ГЛАВА 5: Чёрная дыра

Тишина после краха оказалась самой громкой вещью на свете. Она стояла в офисе, глядя на застывший экран с жалким остатком баланса, и слышала, как эта тишина гудит в ушах низким, неумолимым гулом белой нейронной шумности. Её мир не рухнул с грохотом — он сдулся, как проколотый воздушный шар, с тихим, позорным шипением.

Первым движением был животный инстинкт — найти его. Докопаться. Узнать хоть что-нибудь настоящее. Она металась по кабинету, как раненая птица в стеклянной клетке. Телефон Льва — мёртв. Она писала в мессенджеры — сообщения оставались не прочитанными, с одной серой галочкой. Она вытащила ту самую картонную трубку, в ярости и отчаянии развернула карту. При ярком свете лампы она увидела то, чего не замечала раньше: мельчайшие, едва различимые следы типографской сетки на обороте бумаги. Современной. И чернила... при ближайшем рассмотрении они были слишком однородными, лишенными тех микроскопических сгустков и подтёков, которые оставляет перо. Это была качественная, искусная подделка. «Душа неба», оказалась, напечатана на струйном принтере где-то в подпольной мастерской.

Она скомкала лист, готовая разорвать его, но руки не по-

виновались. Даже подделка была частью иллюзии. Уничтожить её — значило стереть последнее доказательство того, что «что-то» было. Даже если это «что-то» — обман.

Она оделась и вышла. Ей нужно было движение. Проверка. Хоть какая-то точка опоры в этом рушащемся мире.

Пункт первый: Планетарий. Она пришла туда днём, купила билет на обычную экскурсию. Молодая девушка-экскурсовод водила школьников по залам, щебеча заученный текст. Мария подошла к ней после.

— Извините, а у вас бывают... ночные сеансы? Для особых гостей?

Девушка удивлённо моргнула.

— Нет, что вы. Мы работаем строго по графику. После семи всё закрыто. Охрана не пустит.

Она пошла к служебному входу, тому самому. Там висела табличка «Посторонним вход воспрещён» и глазок видеодомофона. Никакого старого сторожа. Она позвонила. Дверь открыл суровый мужчина в форме частного охранного предприятия.

— Вам чего?

— Я... ищу дедушку, который здесь работает сторожем. Немолодой, морщинистый...

— Здесь такого нет, — отрезал охранник. — Я работаю тут два года. До свидания.

Дверь захлопнулась. Мария прислонилась к холодной стене. Значит, и сторож был частью спектакля. Наёмным актё-

ром. Они с Львом вышли не из служебного входа, а из какой-то потайной двери, ведущей, вероятно, в соседнее здание? Она даже не запомнила маршрут. Она была слишком ослеплена.

Пункт второй: Дом учёных. Та самая лекция. Она провралась в архив, нашла расписание событий за тот месяц. Лекция о Леме значилась. Приглашённый лектор — профессор из Праги. Она нашла его контакты, написала отчаянное письмо, умоляя вспомнить человека, задавшего тот самый вопрос. Ответ пришёл вежливый и холодный: «Уважаемая коллега, я читаю множество лекций и не запоминаю всех вопросов из зала. Извините».

Она сидела в читальном зале, среди пыльных фолиантов, и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Он растворился. Как дым. Как мираж. Всё, к чему она прикасалась, рассыпалось в прах.

Пункт третий: Она сама. Вернувшись в офис, она села за компьютер, отбросив все дела «Орбиты», которые теперь висели на ней тяжким, невыполнимым грузом. Она открыла файлы с его «рассказами». Тот самый, первый, о смотрителе и переменной звезде. Она скопировала отрывок, самый пронзительный, и вбила его в поисковик. Система выдала сотни тысяч результатов. Ничего. Она сузила поиск, стала вводить уникальные словосочетания. «Свет взрыва был ещё в пути». Ничего.

И тогда она сделала то, чего не делала никогда — полез-

ла в глубины специализированных форумов любителей старинной фантастики. Порылась в оцифрованных архивах советских журналов. И нашла.

Не сразу. Через три часа безумного, лихорадочного поиска, когда глаза уже болели от напряжения, она наткнулась на архив журнала «Знание — сила» за 1973 год. В номере за октябрь был рассказ «Последний цикл Цефеиды» авторства некоего Аркадия Ветлугина, забытого инженера-писателя. Она открыла сканированные страницы и начала читать.

Слово в слово. За исключением имён и пары описаний, это был тот самый текст. Тот самый гениальный, пронзительный рассказ, от которого у неё потекли слёзы. Плагиат. Блестящий, бесстыдный, идеально отобранный плагиат. Не просто вдохновение — прямое, дословное заимствование забытого текста, выуженного из небытия, чтобы растрогать именно её, ценительницу «настоящей» литературы.

Она, задыхаясь, проверила другие его «отрывки». Фрагмент про космонавта и слёзы нашёлся в малотиражном сборнике «Космические были» 1981 года. История про девушку и вероятность — в журнале «Юный техник» за 1976-й. Всё. Всё было ворованным. Он не писал. Он «составлял». Как диджей, делающий сэмплы. Он изучал её вкус, её боль, её библиотеку и создавал идеальный микс из чужих слов, который звучал для неё как голос родственной души.

Мария откинулась в кресле. Кабинет поплыл. Её тошнило. Это было хуже, чем кража денег. Деньги можно зарабо-

тать. Это было надругательство над самой её сутью. Он взял её любовь к слову, её профессиональное чутьё, её тоску по глубине — и использовал как инструмент, чтобы вскрыть её. Он играл на ней, как на редком, сложном инструменте, зная, какая нота вызовет слёзы, какая — доверие, какая — желание спасти.

Внезапно она вспомнила его брата. Историю про лейкемию. Была ли она тоже украдена? Из какого-нибудь забытого дневника или сентиментального романа? Или это была единственная правда в этой пирамиде лжи — реальная боль, которую он использовал как самую надёжную валюту?

Неважно. Неважно уже ничего.

Она встала, подошла к окну. Начался дождь. Город за стеклом был серым, мокрым, абсолютно реальным и абсолютно безразличным. Там, в этой реальности, у неё было издательство на грани краха, коллектив из пятнадцати человек, ждущих зарплату, репутация, которую вот-вот начнёт крушить слух о её «безрассудной афере». Там были те двое «музейных» — настоящие ли они были? Или тоже часть спектакля? Была ли хоть капля правды в этой истории с картой и музеем? Может, они были его сообщниками, чтобы усилить давление, сделать угрозу осязаемой?

Голова шла кругом. Она не могла отличить правду от вымысла. Вся её реальность оказалась заражённой этой чумой обмана.

В дверь постучали. Она вздрогнула. Сердце заколотилось.

«Они?»

Вошла Катя, её помощница, с лицом, полным беспокойства.

— Мария Викторовна, вы тут? Наталья Петровна из бухгалтерии... она в панике. Говорит, пришло уведомление из банка о блокировке одного из наших счетов по запросу... какой-то федеральной службы. И звонили из типографии, требуют предоплату за следующий тираж, иначе снимают с печати. И... автор, тот самый, старый, он узнал, что аванс ушёл не ему, и грозит судом и чёрным пиаром. Что делать?

Голос Кати звучал издалека, как из туннеля. Мария смотрела на её испуганное, юное лицо и думала о том, что сейчас, в эту самую минуту, где-то, возможно, в тёплой стране, человек по имени Лев (если это было его имя) тратит её три миллиона. Пьёт дорогое вино. Смеётся. А может, он уже работает над следующей «Марией». Ищет новую одинокую женщину с тоской по звёздам и с деньгами на счету.

— Мария Викторовна?

— Выйди, Катя, — тихо сказала Мария. — И закрой дверь.

Девушка, смущённая, выскользнула наружу.

Мария медленно обернулась к своему столу. На экране компьютера всё ещё был открыт архив журнала «Знание — сила». Улыбающееся лицо какого-то советского рабочего на обложке. Рядом — свёрнутая в трубку поддельная карта звёздного неба. И пустой чайный стакан.

Она подошла, взяла карту. Развернула её ещё раз. Вгляделась в эти тщательно прорисованные, фальшивые звёзды. В надпись «Nihil sine causa». Ничто без причины.

Причина была. Она сидела в ней самой. В её пустоте. В её жажде чуда. В её высокомерной уверенности, что её-то, с её вкусом и интеллектом, не проведешь. Он нашёл её самую уязвимую точку — не кошелёк, а душу — и нажал на неё с хирургической точностью.

Она не заплакала. Слёзы были для живых, для тех, кто ещё может чувствовать боль. Она чувствовала только холод. Вселенский, космический холод пустоты, в которую её вытолкнули.

Она подняла глаза к окну. Дождь стекал по стеклу, искажая огни города. Звёзд не было видно. Их не было видно уже давно. Она просто раньше не хотела этого замечать, предпочитая смотреть на красивые, далёкие огни, свет которых шёл из несуществующего прошлого.

Она потушила свет в кабинете и осталась стоять в темноте, глядя в своё отражение в чёрном стекле. В отражении смотрела на неё не успешная владелица издательства, а дура. Величайшая, наивнейшая дура, которая приняла блестящую мишуру за свет далёких солнц.

И самое страшное было даже не в потере денег или репутации. Самое страшное было в том, что теперь, глядя на любое искреннее слово, на любой проблеск глубины, она всегда будет задаваться вопросом: а не плагиат ли это? Не спек-

такль ли? Не готовят ли и для неё новый, идеально выверенный «Синдром Стокгольмского планетария»?

Он отнял у неё не только три миллиона. Он отнял у неё способность верить в созвездия. И в людей, которые на них смотрят.

Конец. Больше смотреть было не на что. Только на чёрную дыру, которая теперь зияла в центре её собственной вселенной, безжалостно затягивая в себя все прошлые смыслы, все надежды, весь свет.

«ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ»

«Самое трудное - победить себя.»

Олег Вещий.

ГЛАВА 1: Отскок от дна

Воздух в «Спартаке» был густым, как кисель, — запах пота, старых матов, дешёвого антисептика и пыли. Кирилл Петрович стоял посреди зала, скрестив руки на груди, и наблюдал, как пятнадцатилетний Димка, сутулясь и глядя куда-то в пол, делал жим лёжа со смехотворным весом.

— Лопатки сведи, — сипло бросил Кирилл. Голос, когда-то ревуший на весь стадион, теперь был похож на скрип ржавой двери. — Не спину горби, а грудь колесом. Ты не улитка, черт возьми.

Димка что-то пробормотал, не отрывая взгляда от потолка, усеянного пятнами от протечек. Он сделал ещё два жима и шлёпнулся на скамью, тут же хватая телефон. На экране мелькнули яркие краски какой-то игры. Кирилл вздохнул. Этот звук — тяжёлый, влажный выдох — стал его новой визитной карточкой. Раньше он рычал. Теперь — вздыхал.

Его собственное тело, когда-то отлаженный механизм из стали и грёз, теперь было складом старых поломок. Колено ныло на погоду, плечо щёлкало при каждом резком движении, а по утрам он минуту раскачивался на краю кровати, собираясь с духом, чтобы встать. Ему было пятьдесят. По паспорту. По ощущениям — все восемьдесят.

Он прошёл мимо рядов тренажёров, мимо зеркальной сте-

ны. Мельком глянул. В отражении шагал крупный, грузный мужчина в потёртом спортивном костюме, с лицом, которое не старело, а оплывало, как свеча. Глаза, когда-то жёсткие, как дробь, теперь были мутными и усталыми. «Герой», — с горькой усмешкой подумал он. «Настоящий герой нашего времени. Способен поднять банку пива и опустить самооценку.»

Его слава лежала дома, в серванте за стеклом, которое он уже год не протирал. Кубок области по боксу в тяжёлом весе. Пожелтевшие вырезки из газет с заголовками «Титан Кирилл Петров нокаутировал...». Теперь «титана» звали «дядей Кирой», а его нокаутирующий удар он демонстрировал разве что комарам на своей кухне.

Вечером, в своей двушке в панельной хрущёвке, он сидел перед телевизором, не видя его. На столе стояла тарелка с холодной котлетой и стакан. Он налил себе дешёвой водки, выпил залпом, морщась. По каналу шло какое-то ток-шоу. Ярко одетые, гладкие мужчины и женщины кричали друг на друга о «мужской ответственности» и «феминитивах». Кирилл выключил звук. Тишина в квартире была гулкой, как в склепе. Она заполняла собой всё пространство между пыльными кубками на полке и его собственным телом на диване.

Мир «настоящих мужчин», где ценились сила, честность, умение терпеть боль и держать слово, — этот мир скончался. Остались эти... «говорящие головы» с подкастами. Менеджеры среднего звена, пахнувшие не потом, а парфюмом, об-

суждающие «аффирмации». Он был реликтом. Живым ископаемым, застрявшим в эпохе, которую все благополучно забыли. И хуже всего было то, что он начал сомневаться: а был ли тот мир вообще? Может, и правда, он просто тупой качок, не вписавшийся в прогресс?

На следующей тренировке, когда он в очередной раз пытался втолковать пацанам азы стойки, а они косились на часы, дверь в зал открылась.

Вошедшая женщина не вписалась в интерьер. Не из-за внешности — джинсы, чёрная футболка, простые кроссовки, тёмные волосы, собранные в небрежный хвост. Она вписалась «энергетически». В её движениях не было суеты или любопытства туриста. Была сосредоточенная целеустремлённость. В руках она несла не сумочку, а профессиональную камеру в чехле.

Она оглядела зал, её взгляд скользнул по слоняющимся подросткам и остановился на Кирилле. Она подошла прямо к нему, не улыбаясь.

— Кирилл Петрович? — голос у неё был негромкий, но чёткий, без девичьего щебета.

— Я, — кивнул он, настораживаясь. «Опять какая-нибудь соцопросница или из опеки...»

— Меня зовут Диана. Я документалист.

Он ждал стандартного: «Ой, мы снимаем проект про спорт! Можно вас на пару вопросов?» Он уже готов был буркнуть отказ.

Но она сказала иное.

— Мне нужен человек, который помнит, что такое горечь поражения. Который знает цену не только победе, но и тому, как падать. Чтобы снова встать. Мне сказали, вы можете быть таким человеком. Есть что снять?

Она смотрела на него не с подобострастием поклонницы и не с жалостью. Она смотрела с интересом. Как учёный на редкий, не до конца понятный экземпляр. Её слова «горечь поражения» попали в самую точку его ночных размышлений. Это был не комплимент. Это был вызов. Вызов тому самому «титану», который, казалось, навсегда уснул под слоем жира и разочарования.

Он хмыкнул, пытаясь скрыть, как ёкнуло внутри.

— Снимать-то что? Старика, который детей мучает?

— Можно и так, — парировала она, ничуть не смутившись. — Но мне интереснее другое. Что у этого «старика» внутри. Что осталось от того, кто когда-то заставлял рукоплескать залы. И почему он сейчас тренирует подростков в зальчике с протекающей крышей.

Она говорила прямо. Без прикрас. И в этой прямолинейности была странная, почти забытая честность. Честность поединка, где противники не жмут друг другу руки для фото, а смотрят в глаза перед первым ударом.

— Фильм про меня? — недоверчиво переспросил Кирилл.

— Фильм про «таких», как вы, — поправила она. — Про

тех, кого не встроили в это... — она обвела рукой воздух, — ...в это всё. В это жалкое, удобное, пластиковое время. Кто остался собой. Или пытается.

Пауза повисла между ними, наполненная гулом вентиляции и приглушёнными звуками телефона Димки.

Кирилл Петрович посмотрел на своё отражение в зеркале. На оплывшего мужчину в старом спортивном костюме. Потом перевёл взгляд на Диану. На её спокойное, внимательное лицо. На камеру в её руках, которая вдруг показалась ему не инструментом для выуживания пошлости, а... скальпелем. Или зеркалом. Зеркалом, в котором, возможно, он увидит не то, что видит сейчас.

Что-то давно молчавшее, закопанное глубоко под слоями усталости и водки, дрогнуло и пошевелилось. Жажда. Не славы. Понимания. Чтобы кто-то увидел не его тело, а то, что за ним. Чтобы оценил не кубок, а шрамы.

— Ладно, — хрипло сказал он. — Снимайте, если интересно. Только я не умею позировать.

Уголок рта Дианы дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

— Это мне и нужно. Неумение. Оно сейчас дороже любого умения.

Она кивнула и отошла, чтобы осмотреться, оставив его одного посреди знакомого, внезапно ставшего чужим зала. Кирилл почувствовал странное тепло в груди, которого не было уже лет десять. Это было не возбуждение. Это было ожида-

ние. Кто-то снова смотрел на него не как на неудачника, а как на феномен. Даже если этот феномен был похож на развалину.

Вечером, лёжа в кровати, он смотрел в потолок и думал не о долгах и не о ноющем колене. Он думал о камере. О том, как свет объектива выхватит из темноты забвения то, что он когда-то собой представлял. Или то, чем стал.

Впервые за много лет ему было не стыдно за эту мысль. Было... интересно.

ГЛАВА 2: Съёмки как исповедь

Первые дни съёмок были неловкими. Диана не заставляла его «работать на камеру». Она просто была рядом. Снимала его в спортзале — не героические ракурсы тренера, а усталые движения, как он поправлял ленту на кисти Димки, как вытирал пот со лба старой тряпкой, как смотрел в окно на морозящий дождь, пока пацаны отлынивали от разминки. Она снимала его молчание, его вздохи, его сосредоточенное, почти скорбное выражение лица, когда он демонстрировал удар по груше — удар, в котором уже не было былой мощи, но оставалась безупречная, выточенная годами форма.

— Не смотрите в объектив, — говорила она тихо, двигаясь вокруг него, как тень. — Забудьте, что я здесь. Просто делайте то, что делаете. Говорите то, что думаете.

И он постепенно забывал. Камера переставала быть инородным телом. Она становилась собеседником. Молчаливым, но предельно внимательным.

Однажды вечером, после того как последний подросток, громко хлопнув дверью, умчался на своём скутере, Диана не ушла. Она отложила камеру, села на скамью для жима рядом с ним и достала две банки холодного кофе из сумки. Протянула одну ему.

— Зачем вам это? — спросил он наконец, разминая затекшую шею. — Ну, серьёзно. Кому интересен какой-то старый тренер в дырявом «Спартаке»? Денег тут не сделать.

Она сделала глоток, смотрела не на него, а куда-то в пространство за его спиной.

— Деньги — побочный продукт, — сказала она. — Меня интересует другое. Честность. Сегодня её почти не осталось. Все играют роли. А вы... вы перестали играть. Вы просто есть. И это сегодня — самый редкий и самый радикальный поступок.

Он фыркнул.

— Радикальный поступок — это когда у меня за квартиру три месяца не плачено. А я — не поступок. Я — факт. Печальный факт.

— Факты и есть всё, что осталось от правды, — парировала она. — Победы — они всегда приукрашены. А поражения... поражения честны. В них нет лжи. Вы проиграли свой последний бой?

Вопрос прозвучал как удар ниже пояса. Неожиданно и точно. Кирилл вздрогнул. Он не проигрывал. Его карьера закончилась не нокаутом, а щелчком в колене на тренировке. Но по существу она была права. Он проиграл. Самому времени. Обстоятельствам. Собственному телу.

— У меня не было последнего боя, — хрипло сказал он. — Просто однажды я не смог встать с ковра. И всё. Финал без аплодисментов.

— Это и есть самый страшный проигрыш, — тихо сказала Диана. — Когда даже проиграть красиво не дали. Когда тишина съела концовку. Мне жаль.

Он посмотрел на неё. Не на красивую молодую женщину, а на человека, который только что назвал его боль самыми правильными словами. В её глазах не было жалости. Было понимание. Почти профессиональное, но от этого не менее ценное.

— А вы? — спросил он. — Чего боитесь?

Она задумалась, покручивая банку в руках.

— Что всё, что я снимаю, никому не будет нужно. Что я просто архивирую исчезающие виды человечности. Как сумасшедший энтомолог, который коллекционирует бабочек, зная, что завтра их не станет.

Он кивнул. Он понял. Они были в чём-то похожи. Оба — хранители чего-то умирающего.

После этого разговора барьер рухнул. Диана начала задавать другие вопросы. Не о спорте, а о нём. О страхах. О том, что значит — чувствовать, как сила утекает из мышц с каждым годом. О том, страшно ли осознавать, что твоё лучшее время — позади, и оно никогда не повторится. Она спрашивала об этом так спокойно и так безжалостно, что он не мог не отвечать. Он отвечал перед камерой, глядя куда-то мимо объектива, в туманное будущее, и слова выходили сами — корявые, неуклюжие, но настоящие.

Она снимала его не только в зале. Она пришла к нему до-

мой. Сняла сервант с кубками. Сняла, как он готовит себе яичницу на скворчащей сковородке, один, в тишине. Сняла его старую, потертую боксёрскую грушу, висящую на балконе, которую он иногда бил просто так, чтобы проверить, жив ли ещё удар.

Однажды, после особенно изматывающего дня, когда колени болело так, что он прихрамывал, она осталась помогать ему закрыть зал. Они сидели в раздевалке, пахнувшей сыростью и хлоркой. Диана молча снимала, как он растирает больное место разогревающей мазью, скрипя зубами от боли.

— Самое унижительное, — вдруг сказал он, не глядя на неё, — это не боль. Это — зависимость. От таблеток. От врачей. От того, что твоё собственное тело тебя не слушается. Раньше оно было оружием. Теперь оно — тюрьма.

Он говорил, а она снимала. Крупно. Его руки, покрытые шрамами и сведённые артритом. Его лицо, искажённое гримасой боли и стыда. В этот момент он был максимально обнажён. Без прикрас. Без героизма. Просто сломленный, но всё ещё дышащий зверь в клетке из плоти и костей.

Когда он закончил, в раздевалке повисла тяжёлая тишина. Диана выключила камеру. Подошла, села рядом. Не обняла. Не прикоснулась. Просто сидела.

— Вы знаете, что в этом есть своя красота? — сказала она наконец, глядя прямо перед собой. — Не в боли. А в том, что вы всё ещё боретесь. Пусть даже с собственными костями.

Большинство на вашем месте уже сдались. Стали бы жалкими, кислыми старикашками. А вы... вы просто переместили поле боя внутрь себя. И всё ещё сражаетесь. Это и есть мужество. Настоящее. Без зрителей. Без аплодисментов.

Он поднял на неё глаза. В её словах не было лести. Была констатация. И в этот момент Кирилл Петрович, бывший чемпион, последний из могикан, почувствовал, как что-то в нём, давно замёрзшее, начинает оттаивать. Кто-то увидел. Кто-то назвал его борьбу — мужеством. Не победу. Борьбу. Самую безнадежную.

После этого вечера что-то изменилось. Диана стала приходить чаще. Иногда просто так, без камеры. Они могли молча пить кофе на кухне, глядя в окно на одинаковые панельные коробки. Он начал рассказывать ей истории. О своих первых боях, о тренере-тиране, который сделал из него чемпиона и сломал как человека. О женщинах, которые приходили и уходили, пугаемые его одержимостью и потом его же апатией. О друзьях, которые разбежались, когда кончились деньги и слава.

Однажды, рассказывая о смерти своего старого тренера — человека, который был ему ближе отца, — Кирилл не выдержал. Слезы, горячие, мужские, некрасивые, потекли по его щекам. Он не всхлипывал. Он просто сидел и плакал, глядя в стол, а слёзы капали на пластиковую скатерть. Он думал, что Диана выключит камеру. Она не выключила. Она снимала. Молча. Без движения. Просто давая ему выплакать эту боль,

копившуюся, возможно, десятилетиями.

Когда слёзы иссякли, он поднял на неё опухшие, покрасневшие глаза, ожидая увидеть неловкость или брезгливость. Он увидел в её взгляде нечто иное — уважение. Как будто он только что совершил самый трудный поступок в своей жизни.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За доверие.

Этот момент стал для него точкой невозврата. Он не просто позволил себя снимать. Он «открылся». Полностью. Без остатка. И в этом акте доверия было больше близости, чем в любой физической интимности. Он был перед ней наг — не телом, а душой. И она приняла это. Не отвергла. Не высмеяла. Сохранила. В своей камере. В цифровых файлах. Его боль, его страх, его стыд — всё это теперь было не просто его. Это было их общее. Их тайна. Их история.

Он ложился спать и думал не о прошлых победах. Он думал о том, как Диана смонтирует эти кадры. Как мир наконец увидит не миф о чемпионе, а правду о человеке. Увидит и, может быть, поймёт. И в этом понимании будет его оправдание. Его победа над забвением. Его последний, самый важный бой — за право остаться в памяти не как спортивный снаряд, а как личность.

Иллюзия была совершенной. Он верил, что нашёл не режиссёра, а «летописца». Не женщину, а «союзника». Человека, который вернул ему не славу, а нечто большее — чувство собственного достоинства. Оказывается, его жизнь, та-

кая, какая она есть, — борьба с угасанием, тихая ярость, стоическое принятие боли — всё это имело ценность. Искусствоведческую. Человеческую.

Он не влюблялся в неё. Он влюблялся в тот образ себя, который она ему показывала в отснятом материале, в своих словах, в своём внимательном, безоценочном взгляде. Он влюблялся в своё собственное отражение, наконец-то очищенное от наслоений стыда и разочарования. В зеркало, которое показывало ему не неудачника, а «последнего героя». И он был готов на всё, чтобы это зеркало стало достоянием мира. Чтобы все увидели то, что увидела она. Чтобы его боль обрела смысл.

ГЛАВА 3: Проект «ВОСКРЕШЕНИЕ»

Месяц съёмок превратился в странный, почти семейный ритуал. Диана стала частью пейзажа его жизни — незримой, но всегда присутствующей. Она знала о нём больше, чем кто-либо за последние двадцать лет. И самое удивительное — это знание не отталкивало её. Напротив, она, казалось, черпала в нём вдохновение.

Однажды вечером она пришла не с камерой, а с ноутбуком. Лицо её было сосредоточенным, глаза горели тем самым огнём, который он привык видеть у спортсменов перед решающим боем.

— Кирилл, нужно поговорить. Серьёзно.

Они сидели на его кухне, за столом с потертой клеёнкой. Она открыла ноутбук, показала ему папки с отснятым материалом. Десятки часов видео. Его лицо, его голос, его тишина.

— Это гениально, — сказала она не с восторгом, а с холодной, профессиональной уверенностью. — Сыро, честно, безжалостно. Это не просто фильм про спортсмена. Это документ эпохи. Портрет вымирающего вида.

Она запустила небольшой смонтированный ролик. Всего

три минуты. Чёрно-белая картинка. Он — бьёт по груше, кадр замедляется, и видно, как дрожит от напряжения каждая мышца. Потом резкий переход — он сидит в пустой раздевалке, растирает колено, лицо в гримасе. Его голос за кадром, тот самый, записанный в день, когда он плакал: «Иногда думаешь, а зачем ты всё это прошёл? Чтобы вот так, в пятьдесят, сидеть один в вонючей раздевалке и слушать, как скрипят твои же кости? Чтобы тебя забыли?»

Ролик заканчивался кадром, где он смотрит прямо в объектив после той исповеди. Взгляд пустой, выгоревший, но в глубине — упрямая, тлеющая искра. На чёрном экране возникла надпись: «ЧЕЛОВЕК. КОТОРЫЙ НЕ СДАЛСЯ».

Кирилл смотрел и не мог оторваться. Он видел не себя. Он видел «персонажа». Сильного, трагичного, настоящего. И этот персонаж был им. Его боль, его усталость, его горечь — всё это обретало форму, смысл, «весомость». Его жизнь превращалась в искусство.

— И что дальше? — спросил он, когда ролик закончился. — Покажешь друзьям? Выложишь в интернет?

Диана закрыла ноутбук. Её лицо стало серьёзным, почти суровым.

— Кирилл, этот материал слишком ценен для интернета. Это — манифест. Его нужно показывать там, где его услышат. На большом экране. На международном независимом фестивале. В Каннах есть секция документального кино. В Лейпциге. В Суздале у нас. Это шанс.

— Шанс? — он непонимающе хмыкнул. — Шанс для чего? Для меня? Я что, снова выйду на ринг?

— Нет, — она качнула головой. — Шанс «сказать». Сказать правду. Не только о себе. О всех, кого списали. О всех «настоящих», которых загнали в угол, объявили устаревшими, ненужными. Ты можешь дать им голос. Ты можешь стать символом. Не победителем — таких полно. «Выжившим». Тем, кто не сломался, когда мир решил, что он уже кончился.

Она говорила страстно, убеждённо. Её слова падали на благодатную почву. Он и сам чувствовал это — жгучую обиду на мир, который его отринул. Желание крикнуть: «Я ещё здесь! И я — настоящий!». И вот появляется она, с камерой и с планом. Не просто снять кино. Совершить «акт». Восстановить справедливость.

— И что для этого нужно? — спросил он, уже чувствуя, как в груди разливается знакомое, забытое тепло — азарт перед большим делом.

— Нужно закончить фильм, — сказала Диана. — А для этого — деньги. Серьёзные деньги.

Она достала блокнот, начала рисовать схемы, говорить цифры. Её речь стала быстрой, чёткой, деловой.

— Нам нужна профессиональная цветокоррекция и звук. Лучшие специалисты. Это дорого. Нужно оплатить участие в фестивалях — вступительные взносы, отправку копий. Это ещё. Но главное — чтобы фильм «увидели». Чтобы он не потерялся среди сотен других. Для этого нужен пиар. Статьи в

медиа, промо-кампания в соцсетях, возможно, взятки... — она посмотрела на него прямо, — ...да, взятки членам отборочных комиссий. Чтобы гарантированно прошли. Все так делают. Это грязная кухня, но иначе наш голос не услышат.

Цифры, которые она называла, заставляли его вздрагивать. Десятки, сотни тысяч рублей. Суммы, которые он в последний раз видел на пике карьеры, а потом лишь в кошмарных снах о долгах.

— Я... У меня таких денег нет, — честно сказал он, и ему стало стыдно. Стыдно своей бедности перед масштабом её замысла.

— Я знаю, — кивнула она, не осуждая. — Но они есть у твоего прошлого. Машина. Квартира. Ты можешь взять кредит под залог. Это инвестиция, Кирилл. Не в фильм. В «правду». В то, чтобы твоя история, история таких, как ты, наконец была рассказана. Чтобы вас услышали. Или... — она сделала паузу, давая словам осесть, — ...или ты можешь продолжать качать пацанов в зальчике за копейки. Греть лавочки у подъезда и ждать, пока тебя окончательно забудут. Выбор за тобой, герой.

Она назвала его героем. Не в порыве чувств. Констатируя факт. И в этом был самый страшный крючок. Он давно перестал быть героем для мира. Но для неё — всё ещё был. И она предлагала ему шанс снова им стать. Не в ринге, а в истории. В культуре. В памяти.

Он молчал, сжимая и разжимая кулаки. Старые шрамы

на костяшках побелели. В голове проносились картины: его лицо на большом экране, аплодисменты, интервью, признание... не как спортсмена, а как «личности». Как голоса целого поколения, которое выбросили на свалку. Он видел, как его боль, его унижение превращаются в силу. В оружие. В славу.

— А если ничего не выйдет? — выдохнул он последнее сомнение.

— Тогда ты хотя бы попробовал, — тихо сказала Диана. — Ты вышел бы на последний в жизни ринг. Не за титул. За правду. Проиграть в такой борьбе — не стыдно. Стыдно — даже не попытаться.

Этого было достаточно. Она тронула последнюю, самую глубокую струну — его спортивную, мужскую гордость. Страх проиграть отступил перед страхом «не попробовать».

На следующий день он пошёл в банк. Оформил кредит под залог своей «двушки» — единственного, что у него осталось от прошлой жизни. Он продал свою старенькую, но любимую «Тойоту». Он собрал все сбережения, до последней тысячи, которые копил «на чёрный день». Чёрный день настал, и это были не деньги, а «билет». Билет на его второе рождение.

Когда он передал Диане первую, самую крупную сумму наличными в конверте, его рука не дрогнула. Он чувствовал не страх, а торжественность момента. Как будто он вкладывал не деньги, а свою душу. В общее дело. В их общую прав-

ду.

Она взяла конверт, не глядя внутрь, положила в сумку. Потом посмотрела на него, и в её глазах была та самая смесь уважения и одержимости, которую он видел у великих тренеров перед решающим боем их подопечного.

— Теперь мы связаны, — сказала она. — Кровью. Правдой. И будущей славой. Я не подведу.

Он поверил. Потому что альтернатива — усомниться в ней — означала усомниться в самом смысле последнего месяца своей жизни, в своём новом образе, в этой хрупкой, драгоценной иллюзии значимости.

Деньги уходили быстро. Диана постоянно была в разъездах: «Встречаюсь со звукорежиссёром», «Договариваюсь о цветокоррекции в лучшей студии», «Еду в Питер, там ключевой член жюри фестиваля». Она присылала ему отчёты — восторженные, полные уверенности. «Материал произвёл эффект разорвавшейся бомбы!», «Говорят, такого честного кино не видели годами!», «Нам гарантировали место в конкурсной программе!». Она скидывала ему «рабочие» варианты монтажа — всё те же мощные, чёрно-белые нарезки, где он выглядел то эпическим героем, то трагическим антигероем. Он смотрел на экран своего старого телефона и видел не себя, а «легенду». Ту, которую они вместе создавали.

Он перестал замечать, что все договоры, контакты, счета проходят только через неё. Что он ни разу не видел ни одного из этих «специалистов» или «членов жюри». Что студия, ко-

торуую они «арендовали» для будущей московской премьеры, на фотографиях выглядела подозрительно пустой. Он верил ей. Потому что она была единственным человеком за последние годы, который увидел в нём не неудачника, а миссию.

И когда она объявила дату премьеры — особый, закрытый показ для отобранных критиков и потенциальных дистрибьюторов в той самой студии, — он почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Это было оно. Финальный гонг. Выход на свет.

Он надел единственный приличный костюм, который жал в плечах, но зато был почти новым. Купил огромный, нелепый букет дорогих красных роз. Он шёл по вечерним улицам, и ему казалось, что прохожие оборачиваются не на неуклюжего большого мужчину с цветами, а на «героя», который вот-вот явит миру свою правду.

Он шёл на последний в своей жизни ринг. И был абсолютно уверен, что наконец-то победит.

ГЛАВА 4: Пустой экран

Студия находилась в странном месте — на самой окраине, в промзоне, среди полузаброшенных цехов и гаражей. Вечерние тени уже сгущались, превращая ржавые заборы и покосившиеся вывески в декорации к фильму ужасов. Кирилл шёл по щебню, обходя лужи с нефтяной радугой, и чувство торжественности понемногу вытеснялось лёгким недоумением. «Особый, закрытый показ» — разве он должен проходить здесь, в этом забытом Богом углу?

Он нашёл нужный номер на покоробленной от времени табличке: «Ангар №7. Складские услуги». Никаких фестивальных баннеров, никаких намёков на кинособытие. Только тяжёлые, ржавые ворота. Он толкнул их — с противным скрипом они поддались.

Внутри пахло пылью, старой краской и сыростью. Огромное, пустое пространство, освещённое лишь парой тусклых лампочек под высоким потолком. Ни экрана, ни кресел, ни проектора. Только голые бетонные стены, следы от погрузчиков на полу и где-то в углу — скомканная бумажка, одинокая, как забытая реплика.

Кирилл замер на пороге, букет роз бессмысленно свисал из его руки. Он огляделся, как боксёр на ринге, не понимая, где противник. Может, он ошибся адресом? Диана говорила

именно «Ангар 7».

— Диана? — его голос гулко отдался в пустоте, никем не услышанный.

Тишина ответила ему тяжёлым, безразличным эхом.

Он сделал несколько шагов внутрь, щёлкая каблуками по бетону. Его взгляд упал на ту самую бумажку в углу. Он подошёл, поднял. Это был распечатанный на принтере кадр. Чёрно-белое изображение его собственного лица, крупно. Тот самый момент, когда он плакал, рассказывая о тренере. На обороте чьей-то ручкой было нацарапано: «Вариант 3. Монтаж для финала».

Вариант 3. Значит, были и другие. Значит, здесь что-то происходило. Но сейчас здесь не было ничего. Ничего, кроме этой бумажки, как последнего свидетельства преступления, жертвой которого он был, но не мог понять его масштаба.

Он достал телефон. Набрал номер Дианы. Автоответчик: «Абонент временно недоступен». Он написал сообщение: «Где ты? Я в ангаре. Никого нет». Сообщение ушло, но статус «доставлено» не появился. Как будто оно улетело в чёрную дыру.

Паника, холодная и липкая, начала подниматься по спине. Он обошёл весь ангар. Заглянул в единственную подсобку — там валялись пустые банки из-под краски и обрывки плёнки. Никакого оборудования. Никаких следов «лучшей студии цветокоррекции» или «профессионального звука».

Он вышел наружу, на холодный воздух. Сумерки оконча-

тельно перешли в ночь. Он стоял посреди промзоны, с букетом роз, в своём жмущем костюме, и чувствовал себя не просто дураком. Он чувствовал себя призраком. Призраком, которого только что окончательно стёрли из реальности.

Он пошёл назад, к метро, машинально сжимая в руке тот кадр. Букет он выкинул в первый же мусорный бак. Цветы, предназначенные для триумфа, упали на окурок и пустую банку, ярко-красные лепестки контрастировали с грязным пластиком.

Дорога домой была похожа на возвращение с собственных похорон. Он не думал. Его мозг отказывался обрабатывать информацию. Он просто шёл, и каждый шаг отдавался в пустоте, которая теперь была не вокруг, а внутри него.

Квартира встретила его знакомой тишиной и запахом одиночества. Он снял пиджак, бросил его на стул. Себе на стол положил тот чёрно-белый кадр. Его собственные глаза, полные боли и доверия, смотрели на него с листка А4. Он сел и уставился в них, пытаясь понять, что произошло.

Он вспомнил все её слова. «Манифест». «Правда». «Последний шанс». «Все так делают». «Шанс для таких, как ты». Каждая фраза теперь оборачивалась другой стороной. Не вдохновляющим призывом, а холодной, расчётливой манипуляцией. Она играла на его самых больных точках: на ностальгии по славе, на страхе быть забытым, на жажде признания, на мужской гордости, которая не могла смириться с тихим угасанием.

Он взял телефон, снова попытался дозвониться. Тот же результат. Он полез в интернет, вбил её имя, название «фестиваля», которое она упоминала. Ничего. Её соцсети, которые он раньше почти не проверял, доверяя живому общению, теперь казались бутафорскими — мало друзей, странные, безличные посты. Сайт её «продакшена» выдавал ошибку 404.

Он начал искать контакты — тех самых «звукорежиссёров», «цветокорректоров». Фирмы либо не существовали, либо никто не слышал о таком проекте. Каждый новый поиск, каждый тупик забивал гвоздь в крышку его надежды.

Тогда он полез в старые письма, нашёл счета, которые она ему присылала для оплаты. Реквизиты разных ООО с туманными названиями: «МедиаАртВектор», «ФестивальИнвест». Он позвонил в банк, представился, попытался узнать что-то. Ему вежливо ответили, что информация по операциям клиента конфиденциальна. Но один знакомый, работавший в налоговой, после пары звонков навел справки и перезвонил, голос его был озадаченным:

— Кир, эти конторы... они одноразовые. Зарегистрированы на подставных лиц. Оборот по ним мизерный, а потом они просто ликвидируются. Ты что, вложился во что-то?

Кирилл промолчал и бросил трубку. Вложился. Да. Он вложил всё. Деньги, которые были последним ресурсом. И — что гораздо страшнее — свою историю. Свою боль. Своё доверие.

Он встал, подошёл к окну. Город горел огнями, жил своей жизнью, в которой не было места его краху. Он обернулся, взгляд упал на сервант. На кубки. На фотографии былых побед. Они смотрели на него теперь не как трофеи, а как насмешка. Все эти победы, весь этот путь — чтобы в итоге сесть в лужу, расставленную девчонкой с камерой.

Ярость нахлынула внезапно, сокрушительной волной. Он зарычал, свирепо, по-звериному, и резким движением смахнул все кубки с полки. Они с грохотом полетели на пол, один отскочил, ударив его по ноге. Он не почувствовал боли. Он чувствовал только всепоглощающее, бессильное бешенство. Он схватил стул и швырнул его в стену. Потом ещё. Он крушил свою же квартиру, свою же жизнь, пытаясь разрушить эту невыносимую реальность, в которой он был не героем, а лохом. Последним, наивнейшим лохом.

Когда силы кончились, он стоял, тяжело дыша, посреди хаоса из осколков, погнутых рамок и перевёрнутой мебели. Ярость ушла, оставив после себя вакуум. Пустоту ещё более чёрную, чем в том ангаре.

Он медленно опустился на пол, прислонился к разбитому серванту. Взял в руки ближайший кубок. Потрогал вмятину на боку. «Чемпион области». Области, которой, кажется, больше не существовало. Как и того чемпиона.

Он сидел так долго, пока холод от пола не просочился сквозь брюки. Он думал о деньгах. О долгах. О том, что скоро придётся отвечать перед банком, перед которыми у него

теперь не будет ни квартиры, ни машины. Но эти мысли были туманными, далёкими. Главная боль была не в них. Главная боль была в том, что его «использовали». Что его слёзы, его откровения, его самое сокровенное — всё это было не ценно само по себе. Это было сырьём. Расходным материалом для какого-то чудовищного спектакля, финал которого он так и не увидел.

Он поднял тот чёрно-белый кадр своего лица. Поднес к глазам. Раньше в этих глазах он видел боль, которую она «поняла». Теперь он видел только глупость. Наивную, все-ленскую глупость человека, который поверил, что его агония может кому-то быть интересна как искусство, а не как способ опустошить его карманы.

Он медленно, очень медленно, разорвал фотографию пополам. Потом ещё и ещё, пока от его лица не осталась лишь горстка белых клочков с чёрными пятнами чернил. Он бросил их на пол, поверх осколков своих побед.

Больше смотреть было не на что. Ни вперёд, ни назад. Только в эту пустоту, которую он теперь носил в себе. Пустоту, в которой эхом отдавались её слова: «Выбор за тобой, герой».

Он сделал выбор. И проиграл. Даже не успев выйти на ринг.

ГЛАВА 5: Зеркало с трещиной

Неделю Кирилл провёл в состоянии, похожем на кому. Он не выходил из квартиры, не отвечал на звонки. Ему звонили из банка, из спортшколы, даже обеспокоенная соседка снизу — он сбрасывал. Мир за дверью перестал существовать. Существовал только хаос внутри, который он не в силах был ни прибрать, ни осмыслить.

Он пытался напиться. Купил самую дешёвую водку, выпил полбутылки залпом — тело отторгло яд судорогами рвоты прямо на разбитый паркет. Его организм, привыкший к спартагской дисциплине, отказался принимать такой примитивный способ бегства. Он лежал на холодном полу в луже собственной блевотины и смотрел в потолок, чувствуя, как стыд прорастает сквозь отчаяние, как ядовитый гриб сквозь гнилушку.

Через несколько дней инстинкт выживания, тот самый, что заставлял его подниматься после нокдаунов, заставил его встать. Он убрал квартиру механически, как робот. Собрал осколки кубков в мусорный пакет. Выбросил. Словно хоронил не трофеи, а самого себя.

Нужно было решать вопрос с долгами. Нужно было искать работу. Но прежде чем сделать шаг в этот новый, беспощадный мир, ему требовалось... понять. До конца. Он не

мог жить с этой неопределённостью, с этим ощущением, что над ним не просто поиздевались, а совершили нечто более изощрённое, чудовищное.

Он сел за свой старый, пыльный компьютер. Включил его. Мерцание монитора в полутемной комнате было похоже на свет фонаря в склепе.

Он не знал, что искать. «Диана документалист» — выдавало разве что парочку однофамильцев. Название её проекта, о котором она когда-то обмолвилась, — «Последний раунд». Никаких следов.

Отчаяние подсказало другой путь. Он стал искать не её, а... себя. Вбил в поиск «Кирилл Петров бокс тренер». Вылезли старые статьи о его победах, парочка упоминаний в местных спортивных пабликах. Ничего свежего. Никакого намёка на фильм.

Потом он попробовал сочетание «мужской кризис документальный». И тут поисковик выдал ему нечто интересное. Не фильмы, а... рекламу. Много рекламы. Курсов, тренингов, вебинаров. «Как понять мужчину после 40». «Кризис среднего возраста: инструкция по выживанию для женщин». «Альфа-поколение: говори на языке силы».

Его, машинально листая страницы, вдруг зацепило название одного из тренингов: «Генерация Альфа: Диалог с Уходящей Натурой. Психология мужчины 50+».

На баннере курса была абстрактная картинка, но в разделе «Отзывы» и «Наши кейсы» были маленькие, размытые фото.

Он кликнул на одно из них, чтобы увеличить.

Экран замер.

Кирилл перестал дышать.

На фотографии был он. Не в спортзале, не на кухне. Крупный план. Его лицо, искажённое болью и горем. Тот самый кадр. Кадр, когда он плакал о тренере. Кадр, который он только что разорвал в клочья.

Под фото была подпись: «Реальное интервью. Клиент К. Проработка травмы потери авторитетной фигуры. На тренинге мы разбираем, как такие глубинные эмоциональные ямы влияют на поведение мужчины в семье и социуме.»

В ушах зазвенело. Кровь отхлынула от лица. Руки на клавиатуре стали ледяными.

Он, будто в кошмарном сне, кликнул на маленький треугольник «play» под следующим фото. Загрузился видеоролик. Короткий, не больше минуты.

На экране мелькали кадры. «Его» кадры. Тот самый «рабочий материал», который Диана ему скидывала. Но смонтированный иначе. Жестоко иначе.

Кадр 1: Он бьёт по груше, лицо напряжённое, злое. Голос за кадром (женский, спокойный, назидательный): «Обратите внимание на немотивированную агрессию. Часто она — следствие нереализованности и скрытой обиды на мир.»

Кадр 2: Он сидит в раздевалке, трёт колено, гримаса боли. Голос: «Физический дискомфорт напрямую связан с психосоматикой. Его боль в колене — метафора нежелания дви-

гаться вперёд, страх перед будущим.»

Кадр 3: Крупно. Его глаза, полные слёз. ТОТ САМЫЙ КАДР. Голос (становится чуть мягче, почти слащавым): «А вот здесь мы видим инфантильный запрос на одобрение и опору. Слёзы — не признак силы, а крик о помощи внутреннего ребёнка, который так и не вырос.»

Кадр 4: Он смотрит в пустоту после исповеди, взгляд выгоревший. Голос (возвращается к деловитости): «Итог — эмоциональное выгорание и глубокая экзистенциальная пустота. На нашем тренинге мы даём инструменты, чтобы вывести такого мужчину из этого состояния, вернув ему... управляемость.»

Ролик закончился. На чёрном экране возник логотип: «Академия современных коммуникаций «Горизонт». Тренинг «Генерация Альфа». Ведущий психолог — (имя, которого Кирилл не запомнил). Запись открыта.»

Кирилл сидел, не двигаясь. Он смотрел на тёмный экран, в котором отражалось его собственное, реальное лицо. Оно было белым, как бумага. Внутри бушевало что-то, что не имело названия. Это была не ярость. Это было нечто худшее. Это было полное, тотальное «уничтожение».

Он был не героем. Не символом. Не голосом поколения.

Он был «кейсом».

Учебным пособием.

Наглядным материалом.

Его боль, его страх, его слёзы, его самое сокровенное —

всё это было разобрано по косточкам, упаковано в психологический жаргон и выставлено на продажу. Как препарированная лягушка на уроке биологии.

«Управляемость». Вот что было конечным продуктом. Не фильм. Не искусство. Не правда. Инструмент для того, чтобы «управлять» такими, как он. Чтобы жёны, дочери, коллеги могли «выводить их из состояния», понимать их «инфантильные запросы». Его мужественность, его борьба, его стоицизм — всё это было сведено к набору примитивных схем для манипуляции.

Он медленно поднялся из-за стола. Подошёл к зеркалу в прихожей — тому самому, в которое он смотрелся в день их встречи. В отражении стоял тот же мужчина. Но теперь он видел не героя и не неудачника. Он видел «объект». Объект исследования. Объект насмешки. Пустую оболочку, из которой вынули душу, проанализировали, присвоили ей цену и выбросили.

Он поднёс кулак к стеклу. Старые костяшки, разбитые в кровь о чужие челюсти, теперь дрожали перед собственным отражением. Он хотел разбить это зеркало. Разбить насмешливого двойника. Но сил не было. Не было даже на это.

Он опустил руку. Посмотрел в свои собственные глаза в отражении. В них не было ничего. Ни боли, ни гнева, ни стыда. Только плоская, безжизненная пустота. Та самая, о которой говорил голос в ролике. «Эмоциональное выгорание и глубокая экзистенциальная пустота».

Он повернулся и пошёл прочь от зеркала. Обратно в комнату. Мимо компьютера, на экране которого всё ещё висел сайт с его препарированной душой.

Он лёг на диван, на котором ещё оставались следы от осколков. Уставился в потолок. Мысли не шли. Было лишь одно, кристально ясное, ледяное знание.

Всё, что он думал о себе, — было неправдой. Всё, что она заставила его почувствовать, — было инструментом. Его жизнь, его борьба, его личность — не имели никакой ценности. Они были лишь сырьём для производства чего-то мелкого, мерзкого и практичного. Для «тренинга».

Он закрыл глаза. Внутри была тишина. Не тишина покоя. Тишина выжженной земли. После атомного взрыва.

Его история кончилась. Не потому, что он проиграл. А потому, что её даже не украли. Её «переработали». В удобрение для чего-то уродливого и чужого. И теперь он должен был жить с этим знанием. С тем, что где-то сейчас какая-нибудь женщина платит деньги, чтобы понять, как «управлять» им, глядя на его слёзы. С тем, что его боль стала товаром.

Это был не конец с позором. Это было растворение. Стирание. Он больше не был даже человеком. Он был — успешным кейсом. И это было хуже, чем смерть. Это была жизнь в качестве музейного экспоната под табличкой «Типичный экземпляр вымирающего вида. Обращаться осторожно, может проявлять инфантильные реакции».

ЭПИЛОГ: Последний раунд

Настоящий бой начинается после гонга. Когда адреналин схлынул, а боль только подступает. Когда ты сидишь в углу ринга, и тренер вытирает тебе лицо, а счетчик твоей карьеры щёлкает в сторону минуса.

Кирилл не покончил с собой. Инстинкт выживания, вбитый десятилетиями спорта, оказался сильнее стыда. Он не спился. Его тело, старый солдат, отказалось от такого финала. Он просто... продолжил.

Он отдал банку квартиру. Через знакомых нашёл работу — не тренером, а грузчиком на том же самом оптовом складе, мимо которого он ходил на ту злополучную премьеру. Физический труд был простым и понятным. Поднял ящик — положил. Не нужно никому ничего доказывать. Не нужно быть символом. Нужно просто не упасть под тяжестью.

Иногда, в обеденный перерыв, сидя на поддоне с коробками, он ловил на себе взгляды молодых ребят. Неуважительные, насмешливые. «Смотри, как у него трясётся рука, когда чай несёт». Он слышал, как они говорят о каких-то курсах, о «прокачке мягких навыков». Однажды он услышал знакомое словосочетание: «...ну там, про альфа-поколение, как с музиками старыми разговаривать...». Он не обернулся. Просто зажмурился, пока волна ледяной тошноты не отступила.

Он снял комнату в коммуналке на окраине. Убогую, с соседом-алкоголиком. Он почти не бывал там, кроме как поспать. Спал он тяжело, без снов. Вернее, с одним и тем же сном: он стоит в пустом ангаре, а с потолка на него смотрят гигантские, бездушные глаза с того промо-ролика. И голос за кадром, её голос, но искажённый, как у робота, повторяет: «Инфантильный запрос... экзистенциальная пустота... управляемость...»

Он перестал смотреть в зеркала. Даже когда брился, делал это на ощупь, глядя в стену. Его отражение стало для него тем же, чем он стал для мира — пустой, неприятной оболочкой, за которой скрывался... никто.

Однажды, в редкий выходной, он шёл по улице и увидел афишу какого-то психологического фестиваля. Среди спикеров мелькнуло знакомое имя — та самая «ведущий психолог» с тренинга. Он остановился как вкопанный. На фотографии улыбалась немолодая, дорого одетая женщина. А под её фото — тезисы. Один из них гласил: «Архетип Воина в современном мире: как помочь ему завершить битву и обрести покой».

Он стоял и смотрел на эти слова, и внутри что-то щёлкнуло, как замок на двери, которая теперь уже никогда не откроется. «Помочь завершить битву». Вот чем она занималась. Она не воровала. Она «завершала». Ставила точку. Делала из него законченную историю, упаковывала в термин и продавала. Она была не мошенницей. Она была «палачом», ко-

торый казнил не тело, а саму возможность будущего. И делала это под соусом милосердия.

Он купил бутылку пива в ближайшем ларьке, сел на лавочку в сквере и медленно пил её, глядя на играющих детей. Дети кричали, смеялись, боролись за место на качелях. В их крике не было ни «инфантильных запросов», ни «экзистенциальных пустот». Была просто жизнь.

Он вдруг понял, что завидует им. Не беззаботности. А простоте. Они ещё не знают, что их боль, их радость, их слёзы могут стать чьим-то контентом. Чьим-то кейсом. Чьим-то способом заработать.

Он допил пиво, смял банку и зашвырнул её в урну. Попал с первого раза. Маленькая, бесполезная победа.

Он встал и пошёл. Не домой. Просто пошёл. Куда глаза глядят. Вечерний город был полон огней, парочек, машин. Мир, который когда-то аплодировал ему, а потом выбросил на свалку, жил своей жизнью. Он был ему больше не нужен. Даже в качестве жертвы. Даже в качестве примера. Его история была рассказана, упакована и продана. Больше от него ничего не требовалось.

Он дошёл до своего старого «Спартака». Посмотрел на тёмные, грязные окна. Там теперь тренировал кто-то другой. Молодой, наверное. С новыми методиками. Может, даже с камерой для соцсетей.

Кирилл развернулся и пошёл к своей комнате в коммуналке. К своему матрасу на полу. К своему соседу, который

уже наверняка храпел за стеной.

Последний раунд его жизни был не на ринге. Он был здесь, в этой тихой, ежедневной капитуляции перед реальностью, которая оказалась гораздо сильнее и бессмысленнее любого нокаута. Он не проиграл бой. Он проиграл войну за то, чтобы его жизнь что-то значила. И теперь ему предстояло дожить её, зная, что всё, что в ней было настоящего — боль, гордость, ярость, стыд — всё это теперь было просто товаром на витрине чужого успеха. И самый страшный удар состоял в том, что наносить его уже было некому. Противник давно ушёл с ринга, оставив его одного в звонкой тишине собственной ненужности.

«ПРЕДМЕТ ОБМЕНА»

«Искусство — это обман.

Художник становится таковым лишь в определённое время благодаря усилию воли.

А видят предметы все люди одинаково»

Эдгар Дега

ГЛАВА 1: Белый шум белого куба

Тишина в галерее «Вертикаль» после вернисажа была особого рода. Не благоговейной, а уставшей, пропитанной запахом дешёвого шампанского, дорогого парфюма и не проговоренных комплиментов. София стояла у массивной стеклянной двери, провожая взглядом последних гостей — пару коллекционеров в безукоризненных пальто, которые ещё пять минут назад восторгались «глубоким проникновением в телесность», а теперь оживлённо обсуждали, где припаркована их Tesla.

Она повернулась к залу. «Новая телесность» Даниила Воронина, молодого и дерзкого, красовалась на стенах: гигантские, нарочито небрежные полотна, изображавшие фрагменты тел в кислотных тонах. Ярко, смело, пусто. Каждый мазок кричал: «Купи меня! Я — тренд!». И их покупали. Охотно.

София провела рукой по идеально гладкой поверхности белой стены. Её стены всегда были белыми. Чистый лист, нейтральный фон для... для чего? Для товара. Она, София Алексеевна Крылова, куратор с безупречной репутацией и тончайшим чутьём, давно уже не открывала художников. Она «производила» их. Брала сырьё — талант, амбиции, голод — и упаковывала в правильную историю, в правильный контекст, в правильный свет. Получался продукт. Успеш-

ный, ликвидный, одобренный критиками из нужных журналов.

Её собственная квартира, пентхаус с видом на исторический центр, была продолжением галереи. Только коллекция там была иной — не для продажи. Личной. Картины и объекты художников, которых уже не было в живых. Забытых гениев, непризнанных визионеров, чьи работы она выкапывала на блошиных рынках и в захолустных мастерских. Эта коллекция была её святилищем, доказательством, что где-то ещё теплится тот самый, неуловимый огонь «настоящего» искусства. То, ради чего всё затевалось. В детстве, когда она тайком пробиралась в запасники провинциального музея, пахнувшие нафталином и тайной.

Теперь этот огонь казался ей крошечным, как свеча на ветру в огромном, стерильном пространстве её жизни. Она смотрела на свою коллекцию, развешанную по правилам музейной экспозиции, и чувствовала странное онемение. Даже эти работы, когда-то вызывавшие дрожь, теперь казались просто... очень качественными экспонатами. Безупречный вкус, превратившийся в безупречную тюрьму.

На следующее утро у неё была съёмка. Не очередной интерьерный журнал, а что-то для себя. Фотограф, талантливый и циничный, предложил сделать серию о «контрасте сред». София, в порыве того самого поиска «настоящего», предложила локацию — заброшенные цеха завода «Красный Октябрь». Место, где когда-то кипела жизнь, а теперь царила

ржавая, величественная смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.